

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА И БРОНЗЫ

ДИСКУССИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРИПОЛЬСКОЙ ПЛАСТИКИ

Палагута И. В.

Наборы статуэток Прекукутени — раннего Триполья: опыт социокультурной интерпретации раннеземледельческой пластики*

Резюме. В изучении пластики культур неолита и энеолита Европы (VII–III тыс. до н. э.) наиболее актуальной является проблема ее интерпретации. Авторский подход основан на положении о социально-коммуникативной функции первобытного искусства. Наиболее информативными являются «закрытые» комплексы наборов фигурок. Два таких набора найдено на поселениях периода Прекукутени-Триполье А в Подури и Исайте (Румыния). Оба набора находились в сосудах и включали 21 сидящую статуэтку и 13 миниатюрных креслиц. Анализ аналогий приводит к выводу, что такие наборы использовались и на других поселениях этого периода и обозначали одну иерархически организованную группу персонажей. Они регулярно воспроизводились в течение 200–300 лет, когда носители культурной традиции Триполье-Кукутени расселялись по территории к востоку от Карпат. В небольших коллективах наборы фигурок могли изображать группы их общих предков. Прекращение использования наборов и исчезновение типов входящих в них статуэток связано с изменением идеологических установок при дроблении культуры на локальные варианты.

Ключевые слова: антропоморфная пластика, Триполье-Кукутени, наборы статуэток, интерпретация.

Palaguta I. V. Figurine sets of Early Tripolye — Precucuteni and their socio-cultural interpretation: a trial. The most urgent problem in the study of the European Neolithic and Copper Age (VII–III millennia BC) anthropomorphic statuettes is their interpretation. The author's approach to it is based on the premise of social and communicative functions of primitive art. Most informative are 'closed' assemblages that include sets of figurines. Two such sets were found in Tripolye A-Precucuteni settlements of Poduri and Isaia in Romania. Both sets were found in vessels, and included 21 seated statuettes and 13 miniature armchairs. The analysis of analogies leads to a conclusion that such sets were used in other settlements of this period, too. They designated one group of hierarchically organized personages. The sets of figurines were reproduced during 200–300 years, when the Tripolye-Cucuteni people were spreading over a large area to the east of the Carpathians. In small communities these sets could represent groups of ancestors. The cessation of their use and disappearance of the types of figurines they consisted of was caused by ideological changes associated with the process of disintegration of the culture into a number local variants.

Keywords: anthropomorphic statuettes, Tripolye-Cucuteni, sets of statuettes, interpretation.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 11-06-00441-а.

В эпоху неолита и медного века (VII–III тыс. до н. э.) в обширном регионе, включающем Ближний Восток и Центральную Азию, а также область раннеземледельческих культур «балканского круга» в Европе, мелкая терракотовая пластика являлась одной из основных художественных форм. Находки антропоморфных и зооморфных фигурок здесь уже исчисляются десятками тысяч. Несмотря на их разнообразие и обилие, проблема интерпретации статуэток, ввиду отсутствия письменных источников и комментариев их исполнителей, является одной из ключевых на протяжении всего периода их изучения. В исследовании пластики ранних земледельцев Европы и, в частности, культуры Триполье-Кукутени, которая станет предметом рассмотрения в настоящей работе, эта проблема решалась в рамках двух подходов.

Первый из них основан на реконструкциях религиозной системы и мировоззрения доисторической эпохи с опорой на внешние этнографические и исторические аналогии, которые привлекаются либо из крестьянских верований и народного искусства различных частей света, либо из данных письменных источников по позднейшим религиям Древнего Востока и античности. Этот прием уходит корнями в сравнительную этнографию XIX — начала XX в. В результате, не без воздействия автохтонизма и стадильной теории, древнеземледельческая пластика интерпретировалась на основе внешних этнографических аналогий, а выводы дополнялись «железной» логикой суждения, что у земледельцев обязательно должны доминировать культы плодородия (Рыбаков 1981). Свою роль в таких реконструкциях сыграла и теория «материнского права» И.-Г. Бахофена (1861), породившая вместе с идеями матриархата и гинекократии идею особой матриархальной религии. Через цепочку последующих построений, подкрепленных преобладанием женских образов в пластике, эти идеи были воплощены в сконструированной М. Гимбутас религии «цивилизации Великой Богини» (Гимбутас 2006). Несмотря на то что представление о раннеземледельческих статуэтках как изображениях ипостасей «Великой Матери» было опровергнуто уже давно (Уско 1968; Массон, Сариниди 1973; Антонова 1977: 92–95), авторитет М. Гимбутас на Западе оказался столь высок, что серьезная критика ее идей началась только после смерти исследовательницы, в 1990-е годы (Meskell 1995; Meskell 1998).

Принципы использования прямых аналогий, на которых был основан сравнительный метод, в этнографии подверглись критике еще в 1960-х гг. (Эванс-Притчард 2004), но до сих пор порой используются при интерпретации археологических находок. Так, в трипольской пластике и сегодня, основываясь на отдаленном сходстве формы, некоторые исследователи пытаются увидеть чуть ли не фигуры древнеегипетских божеств (Бурдо, Видейко 2008: 286–287). Конечно, нельзя отрицать наличие общих метафор и мифологем в рамках раннеземледельческого мира Евразии, но его нужно доказывать. И не из универсалий, выведенных М. Элиаде (Монах 1997: 201), или идей М. Мосса (Бурдо 2004а), а на основании детального анализа конкретного материала.

Второй подход к изучению пластики можно условно назвать эмпирическим, или формальным. Он ориентирован, прежде всего, на систематизацию антропоморфных или зооморфных фигурок (Погожева 1983; Монах 1997; Балабина 1998; и другие работы, построенные на классификациях пластики). На основе

выстроенных классификационных схем выявляются признаки, характерные для статуэток отдельных культур и их этапов, необходимые для четкого хронологического и пространственного распределения материала. Но классификации лишь констатируют факт наличия некоего набора образов, запечатленного в глиняной пластике. Дальнейшие построения здесь чаще всего опираются на те же умозрительные теории и внешние аналогии.

Оба эти подхода, как видим, иллюстрируют некие крайности. Очевидно, что в них не хватает опоры на реконструкции той этносоциальной среды, в которой развивалось искусство пластики, отражающее образы и метафоры, рожденные в рамках конкретных культурных традиций. Ведь, как констатировал еще К. Маркс, «туманные религиозные представления», в конечном счете, возникают из «данных отношений реальной жизни» (Маркс 1963: 383). Это положение подтверждают и современные исследования в области культурной и социальной антропологии (Годелье 2007). Очевидно, что решение проблемы интерпретации пластики требует комплексного подхода, где данные по контексту находок, сочетанию их в комплексах (точнее, структурной взаимосвязи между объектами в комплексах), анализ художественных форм и систем образов (именно этот аспект раскрывает систематизация, только тут признаки должны ранжироваться на те, которые атрибутируют образ, и стилистические, связанные с набором изобразительных формул-метафор и выразительных приемов), сопоставляются с теми характеристиками социумов, которые можно реконструировать на основе археологических исследований — с реконструкциями плотности заселения территорий, демографических показателей, систем расселения, размеров коллективов, социальной ранжированности обществ, контактов с носителями иных культурных традиций и т. д. В подобном ключе опыты интерпретаций мелкой пластики неолита и энеолита Европы стали производиться лишь в последние десятилетия (Палагута 2011а; Lesure 2002; Bailey 2005, 2010; Hansen 2007; и др.). Несмотря на различия в авторских подходах, эти исследования постепенно заполняют разрыв между материалом и теорией.

В настоящей работе я попытаюсь обозначить направления, перспективные с точки зрения культурно-антропологического анализа обширного массива раннеземледельческой пластики. Материал для такого исследования представляют наборы статуэток, обнаруженные в пределах «закрытых» комплексов, что подразумевает и их совместное использование. Это открывает новые возможности для изучения их функций и семантики. Наибольшее число таких достоверных комплексов — шесть из девяти известных в пределах всего круга культур «балканского» неолита и энеолита — обнаружено в пределах ареала культуры Триполье-Кукутени, который благодаря усилиям румынских, молдавских, украинских и российских археологов на сегодняшний день наиболее изучен. Это дает возможность не только для анализа и сравнения между собой серий фигурок, но и для исследования их в относительно однородной среде генетически взаимосвязанных памятников. Особое место в серии трипольско-кукутенских наборов, в свою очередь, занимают два, относящихся к наиболее ранним фазам развития культуры.

Наборы раннетрипольской пластики: основные характеристики находок

Первый из наборов, состоящий из 21 антропоморфной фигурки, был обнаружен в 1981 г. на многослойном поселении **Подури-Дялул Гиндару** (Poduri-Dealul Ghindaru) в Прикарпатье (Monah et al. 1983; Monah 1997: 31–32)¹.

Глинобитная постройка 36, где найдены статуэтки, относится к самому раннему культурному слою телля, датируемому фазой Прекукутени II². В ней было два очага, рядом с каждым из которых обнаружено два комплекса пластики. Первый комплекс, состоящий из фигурок, сосредоточенных у очага 1, включает 7 статуэток, миниатюрный сосуд и одно креслице. С креслицем, вероятно, использовалась более крупная фигурка высотой 4,2 см. Остальные шесть — более мелкие, размером около 2 см, располагались двумя группами по три к западу и к северо-востоку от очага, некоторые из них обломаны (Monah et al. 1983: 15; Monah 1997: 31; Ursulescu, Tencariu 2006: fig. 21: 2). К сожалению, постройка раскопана не полностью, статуэтки находились в слое без контейнера, гарантирующего целостность комплекса.

Зато второй набор фигурок представляет собой настоящий «закрытый комплекс», обнаруженный у очага 2 в накрытом крышкой сосуде (Monah et al. 1983: 19, сосуд не опубликован). Он включает 21 статуэтку, каждая из которых изображает человеческую фигуру в характерной полусидящей позе, 13 креслиц и два глиняных изделия — возможно, миниатюрные модели сосудов (рис. 1: 1; 2).

Статуэтки из набора ранжированы по размерам. Из них 15 — более крупные, высотой до 8,6 см. Они тщательно вылеплены и покрыты росписью, у них обозначены руки и детали лиц. Форма статуэток отличается подчеркнутой стеатопигией: массивные бедра фигурок смоделированы из двух кусков глины, к которым присоединено туловище с маленькой головой в виде столбика. Лица изображены схематично: нос передан защипом, глаза — овальными ямками, такой же ямкой показан рот. Прорезными линиями обозначены складка внизу живота и треугольная складка между ног. Судя по вертикальным насечкам на концах ног, все персонажи — босые. Статуэтки различны по деталям моделировки. Среди крупных фигурок четко выделяются две группы.

Первая группа состоит из 7 фигурок с идентичным декором из нанесенных красной краской угловатых геометрических фигур (рис. 2: 7–13). Декор начинается ниже колен, где отчерчен горизонтальными линиями, и покрывает тело до уровня груди. Очевидно, что здесь он изображает узорчатую одежду. У всех фигурок обозначены груди. Размеры шести из них примерно одинаковы — около 8 см. Седьмая почти в два раза меньше (рис. 2: 13). Если бы не аналогичный

¹ Публикации, к сожалению, не дают полного представления о контексте находки, не представлено в них и детального описания предметов. Их качественные цветные фотографии представлены в ряде каталогов выставок (Monah (ed.). 1997; Antony D. W., Chi J. Y. (eds.) 2010).

² В сложившихся системах периодизации культура Прекукутени соответствует периоду Триполье А схемы Т. С. Пассек, принятой у отечественных — российских и украинских — исследователей. Выделение Прекукутени в отдельную культуру традиционно сложилось в румынской историографии, хотя оно и не вполне приемлемо, так как этот материал генетически связан с последующим развитием трипольско-кукутенской культурной традиции.

1

2

Рис 1. Раннетрипольско-прекукутенские наборы антропоморфных фигурок: 1 — Подури (по Monah 1997); 2 — Исайя (по Ursulescu, Tencariu 2006).

Fig. 1. Early Tripolye and Precucuteni sets of anthropomorphic figurines: 1 — Poduri (after Monah 1997); 2 — Isaia (after Ursulescu, Tencariu 2006).

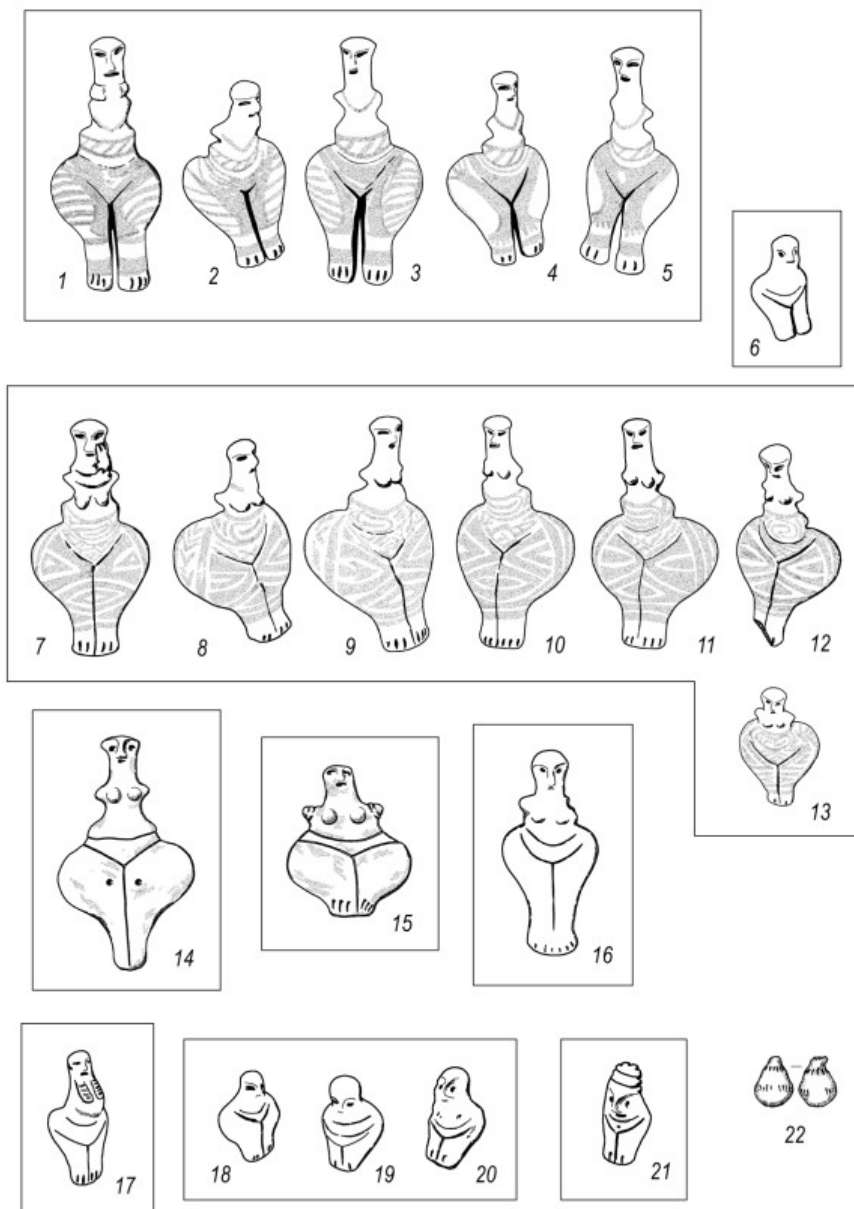

Рис. 2. Группировка статуэток в наборе из Подури (прорисовки по фото из Monah 1997).
 Fig. 2. Group of figurines from the Poduri set (drawings after photographs from Monah 1997).

орнамент и обозначение рук, то ее можно было бы отнести к разряду маленьких фигурок.

Из этой группы выделяется и одна из наиболее крупных статуэток: в отличие от остальных, руки у нее показаны полностью — валиками, которые наклеены поверх расставленных в стороны выступов-рук, уже после формовки туловища, — правая лежит на груди, левая подпирает щеку (рис. 2: 7). Это положение рук напоминает позу «мыслителя», известную также в балканской и среднедунайской пластике (Marinescu-Vîlci 1967; Палагута 2011а: 112).

Вторая группа — из 5 фигурок, отличающихся тем, что у них разделены ноги (рис. 2: 1–5)³ и не так сильно выражена стеатопигия. Иной и декор. Двумя параллельными линиями, промежуток между которыми заполнен косой штриховкой, обозначен пояс. Ниже широкие полосы краски проходят от бедер по внутренней стороне ног, у двух фигурок они оканчиваются бахромой, у трех других — бахромы нет, но внешняя поверхность бедер покрыта косой штриховкой. Плечи обозначены выступами. На груди — V-образный валик, подчеркнутый тонкой красной линией. Это может быть схематическое изображение рук (или ожерелья?). Грудь не обозначена ни у одной из этих фигурок. У наиболее крупной из фигурок этой группы на шее размещен наклепной валик, вероятно, изображающий ожерелье (рис. 2: 1).

К этой группе примыкает и одна из маленьких схематических статуэток со столбикообразным туловищем без плечей, у которой также разделены ноги, но выполнена она не так тщательно и не покрыта декором, как уменьшенная фигурка из предыдущей группы (рис. 2: 6).

Статуэтки обеих групп, скорее всего, изготовлены одним мастером, на что указывают одинаковый способ нанесения декора и характерные особенности формы тела.

Три крупные статуэтки отличаются как от описанных групп, так и друг от друга — и по форме деталей, и по пропорциям (рис. 2: 14, 15, 16). Они не окрашены, или декор у них не сохранился. У всех обозначены грудь, руки показаны направленными в стороны выступами, ноги — слитные. У одной из них (рис. 2: 16), пропорции которой более вытянуты, окончание ног слегка расширено. Возникает впечатление, что эти три фигурки, в отличие от предыдущих двух групп изделий, были изготовлены другими мастерами.

Шесть маленьких статуэток — схематичны. Но и они отличаются друг от друга. У трех из них не обозначены руки и плечи (рис. 2: 18–20). Еще у одной фигурки бугорком показаны сложенные на груди руки, поверх которых наклепы в виде расчлененных валиков — возможно, волосы (рис. 2: 17). Необычную форму имеет фигурка с «гребешком» по верхнему краю, у которой лицо с обозначенным защипом носом, глазами и ртом в виде ямок сдвинуто на уровень туловища (рис. 2: 21). К разряду миниатюрных фигурок относится и упомянутая выше статуэтка с раздельными ногами (рис. 2: 6).

³ Утверждение Д. Георгиу о том, что это могло получиться в результате недостаточно прочного соединения деталей при лепке, отчего при обжиге образовались разломы (Gheorghiu 2010: 65), не верно. Фигурки с разомкнутыми ногами отличаются от остальных своей формой и декором. Поэтому случайно в ходе обжига ноги статуэток разделиться не могли.

Можно предположить, что 13 креслиц, которые тоже различаются между собой и по форме спинок, и по декору, предназначались крупным статуэткам. Однако четко соотнести фигурки с соответствующей «мебелью» не представляется возможным.

Очевидно, что набор статуэток из Подури изображает различных персонажей. Иерархия размеров входящих в комплекс фигурок должна отражать их возрастной и/или социальный статус, а группировки по декору и моделировке могут свидетельствовать о принадлежности персонажей к особым группам в системе горизонтальных связей. Таким образом, структура комплекса должна в той или иной степени отражать организованную социальную структуру — реальную или воображаемую.

Еще одна особенность входящих в набор статуэток: у всех, кроме двух наиболее схематичных, обозначен рот. Таким образом, вся композиция изображала персонажей в процессе диалога или совместного исполнения песни (на что указывает ритмическая организация структуры набора).

Числовые соответствия в группировке фигурок кратны или 7, или 3. Всего 21 фигурка ($21 = 7 \times 3$). Из них 14 крупных фигурок и 7 маленьких, 7 отличаются особым орнаментом. 3 крупных статуэтки отличаются от остальных своими пропорциями, 6 — имеют разделенные ножки. Еще 7 фигурок найдены отдельно у первого очага. Это бы выглядело случайностью, если бы не было обнаружено еще одного набора статуэток, точно так же состоящего из 21 фигурки.

Набор из 21 статуэтки вместе с 13 креслицами и целым рядом сопровождающих глиняных предметов, располагавшийся в грубом «кухонном» сосуде (рис. 1: 2), был найден на поселении фазы Прекукутени III **Исайя — Балта Попии** (Isaia — Balta Popii), находящемся в Румынской Молдове. Комплекс опубликован в виде отдельной монографии (Ursulescu, Tencariu 2006)⁴.

Постройка 1, размерами $8,3 \times 7,6$ м, где были найдены статуэтки, перекрывала более раннюю аналогичную по размерам постройку (1А), но так, что оказалась сдвинутой относительно нее примерно на метр к северу (Ursulescu, Tencariu 2006: fig. 3, 11, 13). Сосуд со статуэтками располагался в ее юго-восточной части в скоплении находок у очага (Ursulescu, Tencariu 2006: 39–46, fig. 12, tab. 1). Кроме зернотерки и фрагментов сосудов, среди которых был и аскос (Ursulescu, Tencariu 2006: fig. 14: 3), в этом скоплении были обнаружены фрагмент прямоугольной в плане глиняной «коробки» (Ursulescu, Tencariu 2006: 127), круглый «алтарь» в виде диска с высокими бортиками на четырех ножках диаметром около 42 см (рис. 8: 2), а также ряд фрагментов ножек от таких же «алтарей». Можно предположить, что «алтарь» был специально предназначен для демонстрации фигурок.

Статуэтки из Исайи схожи по типу с обнаруженными в Подури, но выполнены более небрежно. Они схожи между собой по качеству исполнения, покрыты ангобом, на некоторых сохранились следы окраски красной краской (Draşovean, Popovici 2008: 126–127; Ursulescu, Tencariu 2006: pl. III, V, VI).

Основу набора составляют 20 крупных статуэток высотой от 85 до 47 мм. В этих пределах сложно определить какие-либо размерные группы: статуэтки можно выстроить в ряд, где разница между соседними изделиями будет

⁴ Благодарю Сергея Бодяна и авторов за электронную копию книги.

составлять 2–3 мм. Еще одна фигурка значительно меньше всех остальных — 19 мм. Визуально определяется следующая группировка изделий:

1) 7 статуэток с обозначенными грудями. Как и у остальных фигурок, прорезными линиями показана складка внизу живота и треугольная складка между ног. Ноги разделены продольной линией (рис. 3: 7–13). У двух из них ряд наколов расположен на лобковом треугольнике ниже складки живота (рис. 3: 7, 8);

2) 4 статуэтки с наколами на бедрах: у двух — в виде поперечных рядов, у двух — в виде продольных (рис. 3: 1–4). Груды у этих статуэток не обозначены, у трех из них — отверстия в плечевых выступах. Особенность этой группы фигурок — отдельные ноги;

3) 2 статуэтки с плечевыми выступами, но без налепов-грудей (рис. 3: 5, 6). У одной из них — ряд наколов на складке внизу живота (рис. 3: 5);

4) 7 статуэток без плечевых выступов, с округлым в сечении туловищем, груди у них не обозначены. У трех из этих фигурок туловище гладкое (рис. 3: 14–16). Одна из них отличается расширенным и уплощенным окончанием ног — возможно, так показаны ступни (рис. 3: 16). У четырех статуэток на груди нанесены косые черточки (рис. 3: 17–20). Можно предположить, что так показаны сложенные на груди руки;

5) миниатюрная схематичная фигурка со столбикообразным туловищем (рис. 3: 21).

Сложно сказать, являются ли принципиальными отличия в мелких деталях: у 14 фигурок ямкой обозначен пупок, но этот признак распределен по всем группам и поэтому может быть индивидуальным. Рот у большинства статуэток специально не обозначался, но он мог подразумеваться, так как при формовке носа защипом нижняя часть его профилируется ногтем так, что образуется характерная вмятинка. Таким образом, фигурки из Исайи также «разговаривают», как и в Подури.

В набор входят 13 креслиц, различающихся как по размерам, так и по моделировке спинки: у одного креслица спинка сверху заканчивается изогнутыми «рогами», еще у одного — оформлена в виде гребня, два креслица покрыты наколами (см.: Ursulescu, Tencariu 2006: 107–119). Вероятно, креслица предназначались для статуэток первых трех групп — с плоскими спинами, соответствующими спинкам креслиц (Ursulescu, Tencariu 2006: 58, fig. 17).

Числу статуэток соответствует 21 изделие в виде конуса и шарика с отверстиями. Возможно, как на представленных в публикациях фотографиях (Draşovean, Popovici 2008; Ursulescu, Tencariu 2006: pl. III, V), эти детали были скреплены вместе деревянными штифтами. По размерам эти предметы соответствуют самой маленькой антропоморфной фигурке (конусы высотой 11–16,5 мм, шарики диаметром до 10 мм). Авторы публикации видят в них фаллические символы (Ursulescu, Tencariu 2006: 61), но почему тогда они «разборные»? Можно также предположить, что эти изделия антропоморфны, но почему же тогда они не имеют формы статуэток? Или эти предметы обозначают сосуды на конических подставках — по аналогии с двумя модельками сосудов, входящих в набор из Подури? Несмотря на эту неясность, связанную с миниатюрностью изделий, очевидно то, что каждой статуэтке соответствует свой «предмет». Кроме того, в набор входят 42 глиняные бусины, вероятно, составившие ожерелье (Ursulescu, Tencariu 2006: 122).

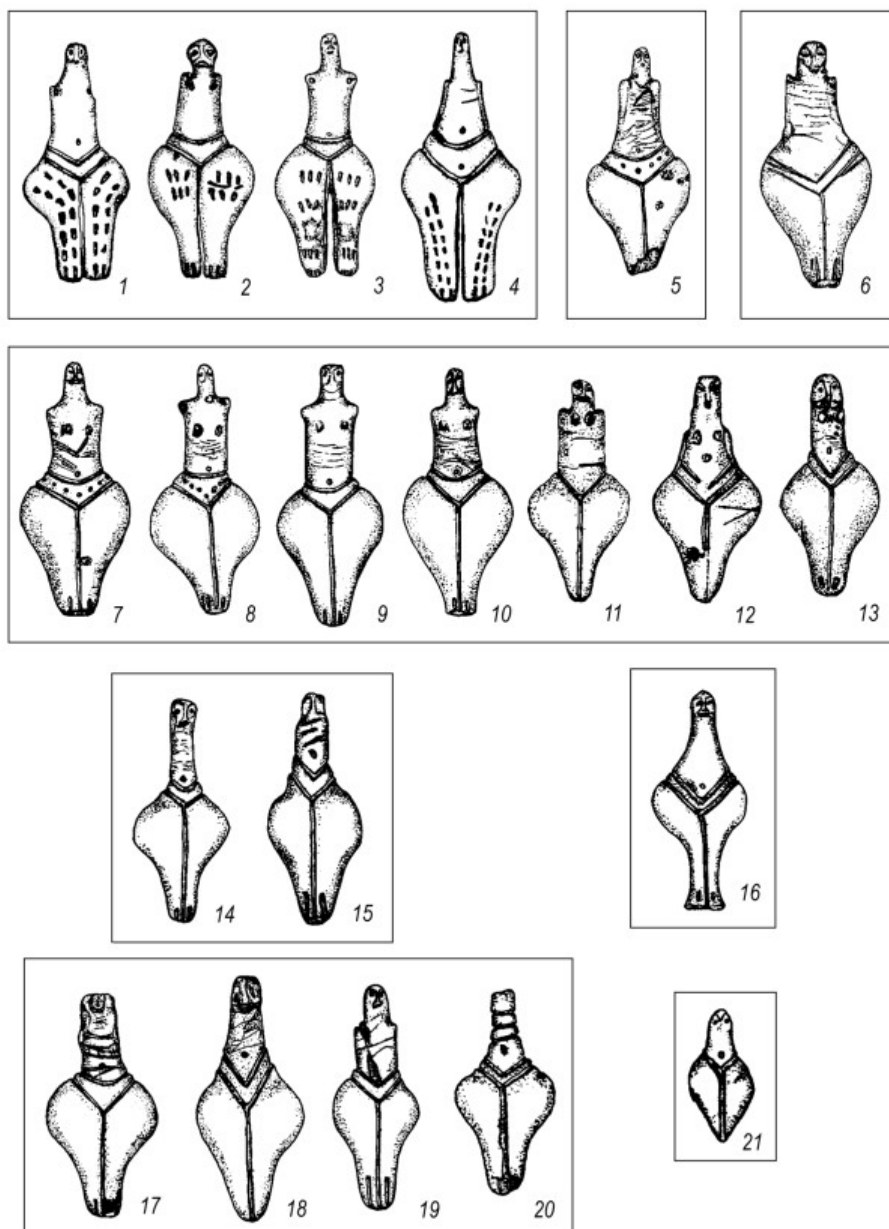

Рис. 3. Группировка статуэток в наборе из Исаяи (рис. статуэток по Ursulescu, Tencariu 2006).
 Fig. 3. Group of figurines from the Isaia set (after Ursulescu, Tencariu 2006).

Группировка изделий, как и в Подури, здесь подчинена числовым соответствиям, кратным 7: бусин 42 ($42 = 21 \times 2 = 7 \times 6$); «составных» предметов тоже 21. Среди статуэток выделяется 7 фигурок с четко обозначенной грудью, 7 — без груди с округлым в сечении туловищем. Примечательно, что на этом же поселении в яме № 17 обнаружен поддон миски, в котором находилась статуэтка и 42 глиняных конуса (Ursulescu, Tencariu 2006: 18; pl. VIII: 4–6). Анализируя эти числовые соответствия, авторы публикации обращаются к нумерологии Каббалы (Ursulescu, Tencariu 2006: 57–59). Однако система счисления, основанная на 7 и кратных числа, известна в Евразии с палеолита и является, по-видимому, одной из древнейших (Фролов 1974; Фролов 1992).

Уже первичное сопоставление наборов из Подури и Исайи говорит об их сходстве. В качестве доказательств достаточно тех параллелей, которые отметили Н. Урсулеску и Ф. Тенкариу: в каждом из наборов общее число статуэток — 21, число креслиц — 13, наблюдается иерархия размеров фигурок, есть «рогатые» креслица и т. д. (Ursulescu, Tencariu 2006: tab. 4). Различия наборов тоже очевидны, но они — в области качества изготовления и особенностей форм изделий, зависящих от конкретных исполнителей.

Поиск аналогий описанным наборам приводит нас к материалам, обнаруженным в 1947–1949 гг. при раскопках раннетрипольского поселения **Сабатиновка II** на Южном Буге. Жилище 3, где были найдены статуэтки, детально описано в публикациях М. Л. Макаревича, который интерпретировал его как святилище (Макаревич 1954; Макаревич 1960). Оно представляло собой глинобитную «площадку» размером около 7×13 м, со входом с восточной стороны. В западной части постройки располагалась печь, остатки конструкции в виде «глиняного кресла», а также прямоугольная глинобитная платформа размером $2,75 \times 6$ м, вытянутая вдоль западного края площадки.

В пределах постройки и рядом с ней были обнаружены 29 фигурок и «сильно деформированные огнем фрагменты»⁵. Из них на платформе и около печи — 16 целых и фрагментированных фигурок, а также несколько глиняных креслиц; у печи — 6 и одно креслице: итого — 22 статуэтки, связанные с настилом и печным сооружением. В центральной части жилища, рядом с расположенными там зернотерками — еще 3; в восточной части постройки — 2 фигурки. За пределами жилища найдены 2 статуэтки и фрагмент креслица (Макаревич 1954: 90–91, рис. 1). Керамический контейнер, гарантирующий целостность набора, здесь отсутствует. М. Л. Макаревич считал, что фигурки были расставлены на глинобитном возвышении, хотя можно допустить, что они находились в некерамической упаковке или в разбившемся сосуде — на платформе найдены фрагменты двух кубков (Макаревич 1954: 90, табл. II: 1). Таким образом, часть статуэток могла быть рассыпана по постройке, перемещена под влиянием постдепозитарных факторов, в коллекцию также могли попасть фигурки, не связанные с набором.

Сабатиновские статуэтки представляют характерный для описанных выше наборов тип раннетрипольско-прекукутенской пластики, представленный

⁵ В последующей публикации М. Л. Макаревич говорит о 32 статуэтках (Макаревич 1960: 293), но в ней нет подробного описания контекста находок, которые сгруппированы уже не по месту обнаружения, а по типам. Поэтому при анализе комплекса более уместным считаю опираться на первую публикацию, наиболее близкую отчету.

«пышнобедрыми» статуэтками со слабо проработанными деталями верхней части тела (рис. 4: 1–9). На ряде статуэток и креслиц сохранились следы росписи красной краской по белому ангобу (Макаревич 1954: 92–93). Как и в цельных наборах, фигурки ранжированы по размерам: более половины из них — сравнительно крупные, есть и мелкие со слабо проработанными деталями. Привлекает внимание одна из наиболее крупных фигурок: у нее смоделированы руки, держащие продолговатый предмет (посох или фаллос?). На основании очевидных параллелей можно считать, что фигурки из жилища 3 Сабатиновки II составляли иерархически организованный набор, соответствующий наборам пластики, обнаруженным в Подури и Исайе.

Судя по находкам серий аналогичных статуэток с креслицами, такие же наборы использовались и на других раннетрипольских поселениях. В **Александровке**, в Днестро-Бугском междуречье, в 1950–1951 гг. было изучено четыре жилища. В жилище 1 было обнаружено 23 статуэтки и три креслица, в жилище 2 — 6 статуэток и 2 креслица; в жилище 3 — 17 статуэток и 3 креслица (Есипенко 1957). К сожалению, подробной информации о фигурках в публикации не представлено. Нет данных о контексте залегания и распределении их по постройкам и в последующей статье, посвященной пластике этого поселения, где произведена только ее классификация (Зиньковская 1976). Судя по публикациям, фигурки и креслица здесь представляют те же разновидности, что и в описанных выше наборах (рис. 5: 1–3).

На поселении **Тимково**, входящем в ту же группу памятников, в процессе доисследования разрушенного жилища № 1 под слоем обожженной глиняной обмазки найдено 3 статуэтки, по форме аналогичных входящим в наборы, а также 5 креслиц и фрагменты модели жилища — возможно, часть комплекса, состоявшего из большего числа фигурок (Бурдо, Видейко 1985: 78; Бурдо 2004б). Аналогичные сидящие фигурки и креслица (рис. 5: 4–9) найдены и в двух других раскопанных постройках, но полных данных о них в публикациях нет.

Возможно, что фрагменты не сохранившихся комплексов-наборов могли быть открыты еще на целом ряде памятников. Так, в **Бернашевке** из шести раскопанных жилищ в четырех (№ 2–4, 6) найдены серии из 18, 14, 11 и 9 (с одним креслицем) однотипных статуэток, аналогичных вышеописанным. Такие статуэтки составляют абсолютное большинство в коллекции пластики памятника (Збенович 1980: 23, 33, 129–133).

Серии статуэток того же типа — сидящих неорнаментированных (или у которых окраска не сохранилась) — представлены в материалах раскопок В. И. Маркевича в бассейне р. Реут в Пруто-Днестровском междуречье. В раскопанной в **Александровке I** постройке обнаружено 11 сидящих статуэток и 1 креслице (Маркевич 1973: 56, рис. 1: 15–16, 24; Vodean 2001: 9). Более десяти аналогичных фигурок представлены в материалах раскопок поселения **Исакова II** (Vodean 2001: 64, fig. 29). В **Путинештах I** в двух полуземлянках найдены 39 сидящих фигурок и 17 креслиц (Маркевич 1973: 62–65, рис. 3: 9, 13, 18, 21; Vodean 2001: 84, fig. 39; 41: 4, 6; 42). Возможно, здесь, как и в Бернашевке, где общее число таких фигурок составляет более полусотни, мы имеем дело с фрагментами нескольких наборов однотипных статуэток.

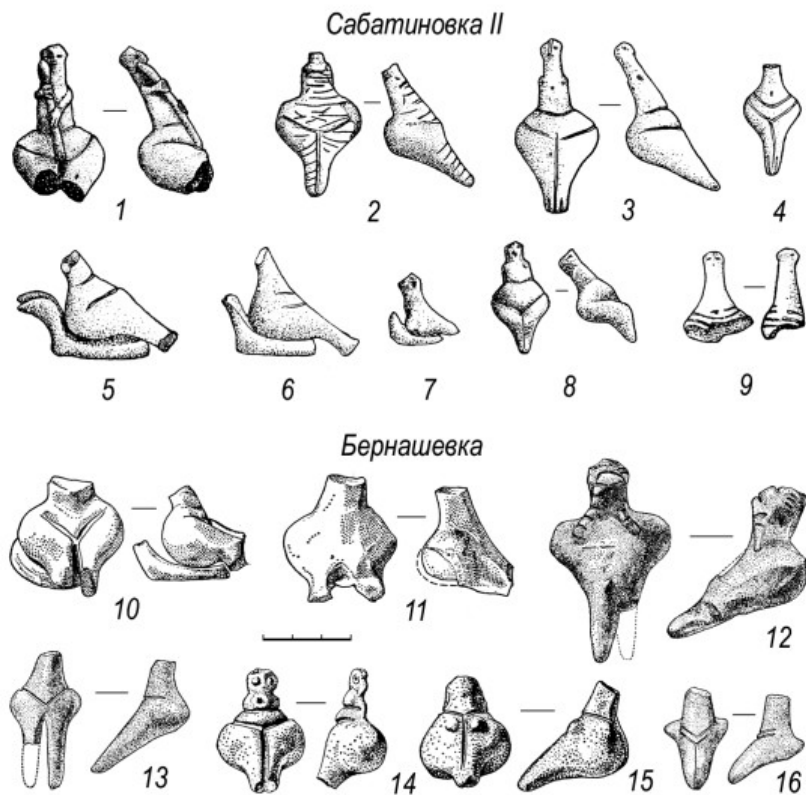

Рис. 4. Статуэтки из Сабатиновки II и Бернашовки: 1–9 — Сабатиновка II (по Макаревич 1954); 10–16 — Бернашовка (по Збенович 1980).

Fig. 4. Figurines from Sabatinovka II (1–9, after Макаревич 1954) and Bernashovka (10–16, after Збенович 1980).

Рис. 5. Фигурки из Александровки и Тимково: 1, 3 — антропоморфные статуэтки, Александровка, высота 8 и 7,25 см; 2 — креслице, Александровка, высота 4 см; 4–5 — креслица, Тимково, высота 2,8 и 4,2 см; 6–9 — статуэтки, Тимково, высота 7,0, 8,5, 7,4 и 4,5 см (по Бурдо 2004а; Бурдо 2004б).

Fig. 5. Figurines from Alexandrovka and Timkovo: 1, 3 — anthropomorphic figurines, Alexandrovka, 8 and 7,25 cm high; 2 — armchair, Alexandrovka, 4 cm high; 4–5 — armchairs, Timkovo, 2,8 and 4,2 cm high; 6–9 — figurines, Timkovo, 7,0, 8,5, 7,4 and 4,5 cm high (after Бурдо 2004а; Бурдо 2004б).

Ряд сидящих статуэток и креслиц, характерных для описанных наборов, найден в **Тырпешти** (Târpești) в Прикарпатье, в слоях Прекукутени II и III. На этих статуэтках видны такие же различия в исполнении деталей (рис. 6: 1–11). Более того, здесь найдена и сидячая женская статуэтка с руками, сложенными в жесте «мыслителя», как у фигурки из набора в Подури (рис. 6: 9). В **Траяне-Дялул Фынтынило** (Traian-Dealul Fântânilor), помимо статуэток, характерных для наборов из Подури и Исайи, обнаружена фигурка с предметом в виде «посоха», как в Сабатиновке II (рис. 6: 12). Связь этих находок с описанными сериями фигурок из наборов очевидна.

Необходимо отметить, что раннетрипольско-прекукутенские наборы всегда состоят из статуэток одного типа. По классификации А. П. Погожевой, это сидящие фигурки типа «с», а также более схематичного его варианта (без плечей и рук) — типа «d» (Погожева 1983: 20–23). Размеры этих статуэток обычно невелики: высота 8,5 см, отмеченная для самых крупных фигурок из Подури и Исайи, максимальна и для находок из других памятников.

Автор настоящей работы уже отмечал, что археологические классификации, выстроенные на иерархическом распределении признаков, часто не вполне оправдывают себя при изучении предметов древнего искусства — результата художественно-образного восприятия действительности (Палагута 2011а: 102–103, 285). Фигурки из наборов можно объединить в единую стилистическую группу, которую, в первую очередь, отличает сидящая поза. Форма статуэток, с одной стороны, должна была обеспечить их устойчивость при установке на креслице или плоскую поверхность — поэтому у них гипертрофированные ягодицы, с другой стороны — определялась способом изготовления фигурок из трех брусков глины, один из которых образует туловище, а два других — ноги (Палагута 2011а: 119; см. также: Gheorghiu 2010). Стилиевое единство подчеркивается и соответствующим оформлением поверхности — она или гладкая ангобированная, или окрашенная. Расписной декор передает, скорее всего, детали одежды. В изображении лица важны глаза, нос и рот. Различия фигурок в пределах стилистической группы (размеры, изображение атрибутов, деталей тела) зависят от особенностей изображаемого персонажа или группы персонажей, а также от мастерства исполнителя.

Особое место фигурок из наборов заметно на фоне остальной раннетрипольско-прекукутенской антропоморфной пластики. Ведь наряду с описываемыми фигурками были распространены и статуэтки других типов. Кроме статуэток из наборов, это:

— женские стоящие фигурки, среди которых можно выделить статуэтки с конусовидным или плоским окончанием ног, с различной моделировкой рук — не только расставленных в стороны, но и поднятых вверх. Украшены они углубленным орнаментом, что противопоставляет их фигуркам из наборов. Серии таких фигурок представлены, например, в Берново-Луке, Ленковцах и Луке-Врублевецкой, есть такая фигурка и в Исайте (Ursulescu, Tencariu 2006: 128);

— среди женских в особую группу можно выделить фигурки с обильной примесью зерен злаков в составе глиняного теста. Их сравнительно мало: в Луке-Врублевецкой это всего 9 из 216 найденных там антропоморфных статуэток, но именно их можно связать с культами плодородия (Бибииков 1953: 206 и сл.);

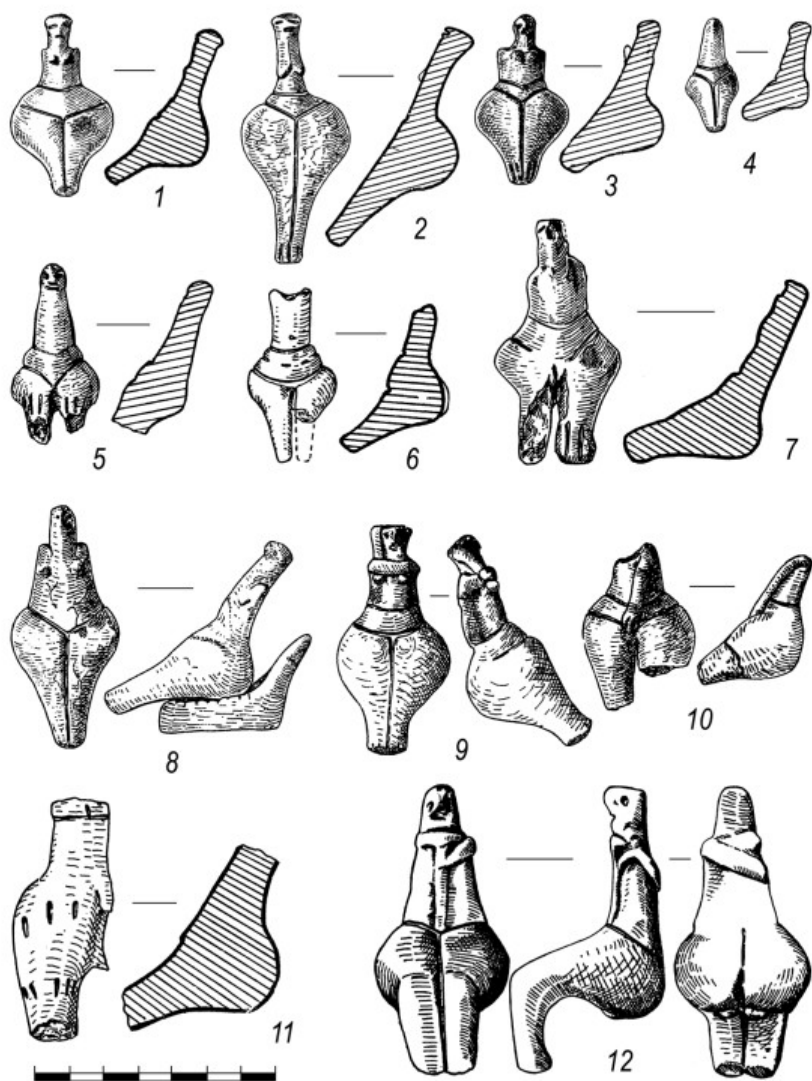

Рис. 6. Фигурки из памятников Румынской Молдовы: 1–11 — Тырпешти; 12 — Траян-Дялул Фынтинилор (по Marinescu-Bîlcu 1974a).

Fig. 6. Figurines from the sites of Romanian Moldova: 1–11 — Tîrpești; 12 — Traian-Dealul Fîntînilor (after Marinescu-Bîlcu 1974a).

— женские статуэтки с вертикальным отверстием в ногах, возможно, насаживающиеся на стержень (Vodean 2001: fig. 29: 2; 41: 8; Погожева 1983: рис. 2: 5, 6; 9: 1, 2, 5, 6, 7);

— стоящие мужские статуэтки с более-менее выраженным признаком пола и отдельно моделированными ногами. В качестве дополнительного атрибута у них выступает пояс;

— фигурки «мыслителей», аналогии которым уходят в круг культур Нижнего Подунавья (Палагута 2011а: 111–112).

Поэтому рассматривать всю антропоморфную пластику в едином ключе нельзя — она изображала разных персонажей и выполняла различные функции (Палагута 2011а: 98–99).

В сводке А. П. Погожевой обращает на себя внимание то, что доля фигурок типов «с» и «d» на ряде раннетрипольских памятников достигает 70–80 % (Погожева 1983: 35–38, табл. 1, 2). Это объяснимо тем, что, в отличие от других разновидностей пластики, они изготавливались серийно. Наборов, включающих фигурки иных типов, на памятниках периода Триполье А — Прекукутени не обнаружено. Особые формы и окраска — прием, не свойственный прекукутенско-раннетрипольскому керамическому производству, — свидетельствуют о том, что сидящие статуэтки, представленные в наборах, занимали особое место в авторской классификации, изображая особую группу образов. Эту группу отличает и то, что у фигурок иных статуарных типов, как и у антропоморфной пластики последующего этапа Триполье В1 — Кукутени А, за редкими исключениями, рот не обозначался. Значит, для них это было не важно: эти статуэтки могли молчать. А фигурки из наборов должны были разговаривать.

Наборы сидящих на креслицах статуэток не обнаружены и на памятниках последующих периодов развития трипольско-кукутенской культуры. Кроме того, как отмечает А. П. Погожева, сами сидящие фигурки типов «с» и «d» также исчезают к началу следующего периода (Погожева 1983: 50).

По поводу их интерпретации возникали различные гипотезы. М. Л. Макаревич свои находки связывал с культом плодородия, имеющим «хозяйственную, земледельческо-скотоводческую основу», отмечая их связь «с малоизученным, но основным в трипольской идеологии персонажем — женской фигурой, матерью-прародительницей» (Макаревич 1960: 301). Воплощение идеи женского плодородия, а также образа женщины и быка в сидящих на «рогатых тронах» статуэтках видела Е. К. Черныш (Черныш, Массон 1982: 245). Аналогичные точки зрения приводились и румынскими исследователями, рассматривавшими эти комплексы как изображение пантеона богинь или воплощение Великой Богини (Ursulescu, Tencariu 2006: 58). Оригинальная «гинекологическая» версия предложена Р. Думитреску: в ней обыгрывается число статуэток (21) как отражающее период менструального цикла с наибольшей возможностью зачатия. Разные по размеру статуэтки олицетворяют дни этого цикла (см.: Ursulescu, Tencariu 2006: 61–64, fig. 18, 19). Умозрительность этих интерпретаций очевидна.

На данном уровне исследования можно резюмировать следующее:

1) традиция массового изготовления наборов сидящих фигурок ограничена рамками периода Прекукутени — Триполье А;

2) находки сходных наборов статуэток в Подури и Исайе, а также серии подобных фигурок и креслиц на других поселениях свидетельствуют о том, что

такие наборы изображали одну группу персонажей и воспроизводились регулярно на многих раннетрипольских памятниках;

3) наборы фигурок выполняли определенные, только им предназначенные функции и были предметом многоразового использования, о чем свидетельствуют продемонстрированные выше примеры нахождения наборов фигурок в предназначенных для их хранения емкостях (здесь возможен вариант «упаковки» статуэток перед оставлением жилища);

4) судя по тому, что из некоторых поселений происходят серии, где число фигурок превышает стандартное число фигурок в наборах из «закрытых» комплексов, в период их существования могло использоваться несколько наборов статуэток. Кроме того, иногда воспроизводился и использовался не весь набор целиком, а только его часть (пример группы из 7 фигурок у очага 1 постройки 36 в Подури). Стилистические различия фигурок (как особенно заметно в Подури) говорят о том, что в одном наборе могут комбинироваться изделия из нескольких серий, выполненных различными мастерами;

5) группа персонажей объединена одной — сидячей — позой, придающей статику создаваемой ими композиции, а также изображением рта у крупных статуэток, что говорит о том, что они должны общаться между собой и со зрителем. Это же предполагает и совместное использование фигурок;

6) статуэтки в наборах иерархически организованы. Статус групп фигурок и индивидуальных персонажей определяется: а) по наличию или отсутствию креслиц; б) по размеру; в) по наличию или отсутствию окраски; г) по атрибутам (посох, ожерелье, одежда); д) по изображению деталей тела;

7) эти же атрибуты — размер (указывающий на возрастную или социальную иерархию), поза, одежда и ее декор, кресло, посох, ожерелье — определяют обычно и статус живых людей, членов иерархически организованного коллектива. Даже если это персонажи мифа или божества, то на них в любом случае проецируется окружающая социальная реальность. Они и их организация представляют образцы для того коллектива, в котором регулярно изготавливаются их изображения. Значит, объяснение наборов статуэток нужно искать в том обществе, в котором они изготавливались и функционировали.

Раннетрипольско-прекукутенское общество: поселения, демография, характер расселения

Чтобы описать историко-культурный феномен, который представляет раннетрипольский социум, необходимо рассмотреть его с различных точек зрения: 1) количества памятников и отрезка времени, в который они существовали; 2) размеров поселений и возможного числа их жителей; 3) оценки общей численности населения и темпов демографического роста; 4) структуры ареала и процесса его освоения. Это дает возможности для реконструкции структуры этих обществ, а также определения тех аспектов существования, которые были наиболее актуальны для раннетрипольско-прекукутенского населения. Именно здесь должны быть точки соприкосновения мира идей и образов с обыденной жизнью.

К настоящему времени известно около 175 поселений периода Прекукутени — Триполье А. В том числе в Румынии было учтено 54 памятника (Marinescu-Vîlci 1974a: 151–180), на территории Молдовы — 74 (Bodean 2001), на территории Украины — 47 (Збеневич 1989: 201–211). За последние годы появился еще

ряд вновь открытых памятников, однако в целом это не меняет общей картины: если общее число поселений культуры Триполье-Кукутени на сегодняшний день оценивается примерно в 4000 (Відейко 2004б: 565), то раннетрипольско-прекукутенские памятники составляют из них менее 5 %. Это вполне соответствует месту этого периода в процессе развития культуры — начальному этапу расселения ее носителей по территории лесостепной зоны к востоку от Карпат.

Временной диапазон Прекукутени — Триполья А согласно радиоуглеродной хронологии, с учетом проведенной в последние десятилетия калибровки дат, определен отрезком времени, по разным данным, от приблизительно 450 лет — 5050–4600 Cal BC (Mantu 1998: 132, fig. 31, 32; Відейко 2004а: 93), до более 700 лет — 5400–4700/4600 Cal BC (Відейко 2004а: 95–96). Хотя для раннего Триполья-Прекукутени известно 29 дат с 14 памятников (Черных, Авилова, Орловская 2000: 57, табл. 2-А), из-за ограниченности серии эти определения длительности периода, особенно последние, вызывают некоторые сомнения.

Противоречит радиоуглеродной длительности периода Триполье А — Прекукутени факт сохранения на всем его протяжении целостности материальной культуры. Это касается, в первую очередь, керамического комплекса. Несмотря на распространение культуры на значительные территории, отличия в формах и орнаментации керамики не проявляются столь четко, чтобы можно было бы говорить о формировании локальных вариантов культуры. Поэтому намеченное Е. К. Черныш (Черныш, Массон 1982: 190) деление финальной фазы Триполья А на локальные варианты было вполне справедливо подвергнуто критике В. Г. Збеновичем, отметившим ненадежность критериев, положенных в его основу (Збенович 1989: 184–185)⁶. Судя по анализу керамики более поздних этапов, проведенному автором, изменения в керамических комплексах могут происходить достаточно быстро, в пределах двух-трех поколений (Палагута 2011а: 42). Аналогичные результаты получены и другими исследователями, отмечавшими, что «существенные изменения в признаках декора происходят с периодичностью от 35 до 75 лет в тех частях мира, где относительно низкий уровень изменений отмечен в других областях <материальной культуры>» (Plog 1978: 178).

Раннетрипольские поселения, как и большая часть памятников последующих этапов культуры, — преимущественно однослойные⁷. Длительность их существования соответствует максимальному сроку, определяемому обычно для глинобитных построек, — около 50–70 лет (Palaguta 2007: 56–57). Это как раз — около трех поколений⁸. Шесть фаз, которые выделяют в развитии

⁶ Определенную роль здесь играют также уровень методики обработки материалов и качество публикаций, на основании которых часто не представляется возможным выявить особенности керамических комплексов раннетрипольских памятников и проследить их генетические связи.

⁷ Следы непрерывного заселения, где три горизонта принадлежат к рассматриваемому периоду, обнаружены лишь в Подури. Это объясняется характером самого памятника — единственного известного в ареале Триполья-Кукутени поселения-телля (Monaĥ, Cicoş 1985: 131).

⁸ Чаще всего продолжительность поколения принимается за 20 или 25 лет (Алексеев 1988: 311). По результатам статистики могильников неолита — бронзового века В. П. Алексеев предложил 22-летний цикл (Алексеев 1988: 312–313).

раннетрипольской культуры (в том числе три из них соответствуют финальной фазе — Прекукутени III, см.: Бурдо 1998: 86, табл. 1), в какой-то мере могут отражать и реальную последовательность памятников, так как это деление опирается на данные стратиграфии (Подури) или изучения «цепочек» последовательно существовавших поселений (например, александровской группы, см.: Бурдо 1989: 24). Тогда наиболее вероятной будет длительность рассматриваемого периода в 300, максимум — 400 лет, когда каждая из шести фаз охватывает 2–4 поколения.

Большинство раннетрипольско-прекукутенских поселений невелики по размеру — их площадь не превышает 1–1,5 га (Збенович 1989: 18). Такие поселки включают в себя порядка 10 жилищ. Так, на полностью раскопанном прекукутенском поселении Тырпешти в Прикарпатье на 0,5 га располагалось 10 жилищ площадью от 12 до 77 кв. м (Marinescu-Vîlci 1974a: 168–169). Несколько больше по площади, около 1 га, было поселение Траян-Дялул Вией (Marinescu-Vîlci 1974a: fig. 3), где тоже было около десятка жилищ. Оба эти поселка окружали оборонительные рвы (Marinescu-Vîlci 1976). На Днестре в Бернашевке на площади 1 га исследовано 7 жилищ (Збенович 1989: 202). На поселении финала Триполья А Ленковцы на площади 2,4 га располагалось до 15–20 жилищ (Черныш 1959: 41). На таких поселениях жилища обычно располагались либо по кругу, либо полукольцом, либо рядами. Если считать, что в среднем по размерам жилище могло обитать 5–6 человек (см.: Колесников 1993: 32–48), то число жителей поселка могло составлять от 50–70 до 100 человек, что вполне соответствует «общине, состоящей из нескольких кровнородственных семей» (Збенович 1989: 163).

Есть данные и о более крупных раннетрипольских памятниках, относящихся к финалу раннего Триполья, расположенных в бассейне Южного Буга. Площадь этих поселений — от 4 до 10 га, на которых располагалось более 100 построек. Таким образом, число их жителей было более 400–500 человек. Эти поселения исследовались путем магнитной разведки, но археологических раскопок здесь не проводилось. Анализ планов позволил высказать предположение, что такие поселения могли образовываться в результате слияния нескольких групп населения (см.: Кошелев 2005: 64–86).

Ареал трипольской культуры к концу раннего этапа охватывает около 50 тыс. кв. км — зону лесостепи от юго-восточной Трансильвании до бассейна Южного Буга. Эта территория сравнительно хорошо изучена в ходе многочисленных археологических разведок еще в 1970-х гг. (Дергачев 1980: 26, рис. 1). Таким образом, имеющихся данных вполне достаточно, чтобы проследить закономерности в группировке памятников.

На представленной карте (рис. 7) заметно «гнездообразное» распределение памятников. Объяснение появления таких «гнезд» одной только степенью изученности регионов себя не оправдывает: раннетрипольских памятников, например, нет в таких хорошо разведанных районах, как север Молдавии, где обнаружены десятки поселений последующих периодов Триполья, единичны они в бассейне р. Бырлад, детально исследованном румынскими археологами, и т. д.

Как показывает исследование «гнезд» (микрогрупп), их образуют разновременные памятники, оставленные одной-двумя группами населения, периодически переносившими поселок на новое место. Автор настоящей работы

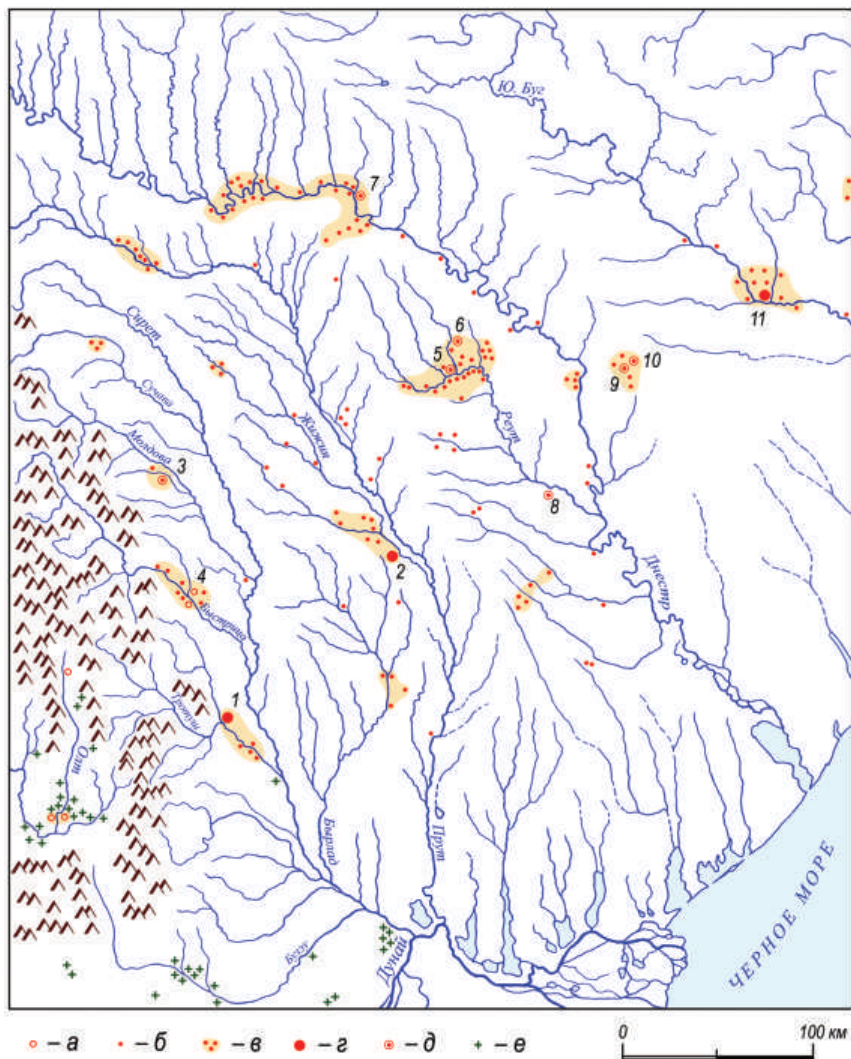

Рис. 7. Памятники Триполья А — Прекукутени, где найдены наборы статуэток или серии аналогичных фигурок: 1 — Подури; 2 — Исайя; 3 — Тырпешти; 4 — Траян-Дялул Вией и Траян-Дялул Фынтинилор; 5 — Александровка I; 6 — Путинешты I; 7 — Бернашевка; 8 — Исакова II; 9 — Тимково; 10 — Александровка; 11 — Сабатиновка II.

а — поселения фазы Прекукутени I; б — поселения фаз Прекукутени II–III — Триполья А; в — группы памятников; г — поселения, где обнаружены наборы фигурок; д — поселения, где обнаружены серии фигурок, которые входили в наборы; е — памятники культуры Боян, фаза Джулешти (по Comşa 1974).

Fig. 7. Tripolye A — Precucuteni sites that yielded either sets of statuettes or series of analogous figurines: 1 — Poduri; 2 — Isaia; 3 — Tîrpeşti; 4 — Traian-Dealul Viei and Traian-Dealul Fintînilor; 5 — Alexandrovka I; 6 — Putineşti I; 7 — Berhashevka; 8 — Isakova II; 9 — Timkovo; 10 — Alexandrovka; 11 — Sabatinovka II.

а — Precucuteni I settlements; б — Precucuteni II–III — Tripolye A settlements; в — groups of sites; г — sites where sets of figurines were found; д — sites which yielded series of figurines similar to the ones present in the sets; е — sites of the Giuleşti phase of Boian culture (after Comşa 1974).

показал это на примере достаточно полно исследованной группы поселений периода Триполье VI — Кукутени А в Северной Молдавии (Палагута 2000; Palaguta 2007). Подобная картина прослеживается и в раннем Триполье: пример тому — александровская группа памятников в междуречье Днестра и Южного Буга (Бурдо 1989: 24).

Сопоставление группировки памятников раннего и начала развитого Триполья (VI) показывает, что территории, занятые их плотными скоплениями в ранний период, в последующем заселены относительно слабо, в то время как районы, где их не было, сплошь покрыты плотной сетью поселений. Таким образом, регионы, ресурсы которых были исчерпаны в раннем Триполье, относительно плотно заселяются заново только спустя некоторое время. Такую практику подтверждают данные по многослойным памятникам с перерывами между слоями (Поливанов Яр, Незвиско, Солончены, Мерешовка и др.).

В период Прекукутени — Триполье А формирование культурного ареала происходило за счет его первичного заселения. Очевидно, что толчком к этому стал демографический рост. Развитие демографической ситуации здесь можно просчитать только приблизительно: не вполне ясен и объем генеральной совокупности раннетрипольских поселений — нужно учитывать и разрушенные, и не открытые пока памятники, — но, главное, сложно хотя бы приблизительно назвать число поселений, которые могли существовать одновременно⁹.

Динамика роста количества известных поселений по фазам приблизительно намечена Е. К. Черныш: от 5 памятников фазы Прекукутени I к 23 памятникам Прекукутени II и 111 — Прекукутени III (Черныш 1976: 90–92, 102)¹⁰. Ранней фазе соответствуют всего 5 поселений в Трансильвании и в Восточных Карпатах. Даже если считать, что таких поселений было в два раза больше — около десятка, то это — максимум несколько сотен человек. Если учесть, что к концу периода, вероятно, одновременно существовало около сотни поселений, то число носителей этой культуры к этому времени колебалось примерно от 5 до 10 тысяч человек¹¹. Таким образом, прирост населения мог достигать 1 % в год, и за 300 лет оно увеличилось более чем в 10 раз. Если учесть, что, как полагал В. П. Алексеев, «в лучшем случае 0,1 % можно рассматривать в качестве

⁹ Ограниченность возможностей палеодемографических реконструкций на основе этнографических параллелей рассмотрена В. П. Алексеевым (Алексеев 1988: 296), поэтому их невозможно использовать здесь в полной мере.

¹⁰ Всего 139, что мало отличается от цифры в 150 памятников, приведенной В. Г. Збеновичем (Збенович 1989: 14).

¹¹ Эти результаты существенно отличаются от предложенных В. М. Массоном оценок численности населения только одного из регионов — Северной Молдавии, где по его подсчетам в раннетрипольское время проживало 18–22 тыс. человек (Массон 1980: табл. 1). Эти цифры завышены по причине того, что В. М. Массон предполагал одновременное существование поселений каждого из этапов развития трипольской культуры (хотя в целом тенденция к увеличению плотности заселения ареала им была обозначена верно). В реальности группы памятников представляли собой не иерархически организованные структуры одновременных поселений, а цепочки последовательно сменявших друг друга поселков. Поэтому эти цифры должны быть на порядок снижены. В. М. Массон признавал, что его оценки будут уточнены в ходе дальнейшего изучения микрорегионов (Массон 1980: 212). Автор благодарен В. М. Массону за поддержку его исследований в области реконструкции процессов формирования групп трипольских поселений.

трезвой оценки естественного прироста для общества ранних земледельцев и скотоводов» (Алексеев 1988: 316; см. также: Hassan 1978: 68, 82), то это максимально возможные показатели, которые могли возникнуть только лишь в очень благоприятных условиях (Hassan 1978: 84). Возможности для такого бурного роста населения появились, вероятно, в связи с наличием обширных неосвоенных территорий, куда — в направлении с юго-запада на северо-восток — движутся волны раннетрипольской миграции. Очевидно, они обеспечивались и определенной стратегией экономики, направленной на максимальную экстенсивную эксплуатацию ресурсов зоны восточноевропейской лесостепи к востоку от Карпат. Выявление особенностей этой стратегии — тема отдельных исследований, выходящая за рамки настоящей работы.

Какой толчок, какие события положили основу этому импульсу, к сожалению, узнать невозможно. Судя по результатам анализа прекукутенского керамического комплекса, важную роль в сложении культуры сыграла культура Боян (Marinescu-Vîlci 1974a: 121; Збенович 1989: 176–177), носители которой продвинулись из Нижнедунайской низменности в Юго-Восточную Трансильванию, образовав там анклав, представленный более чем 20 памятниками (Comşa 1974: 32–36). В генезисе культуры Прекукутени, возможно, сыграли роль и носители других культур — Винча, Хаманджия, линейно-ленточной керамики. Оставляя в стороне вопрос о роли каждой из них в формировании нового культурного явления, отмечу, что культура Прекукутени — раннего Триполья на уровне хронологической фазы Прекукутени II, соответствующей началу освоения ареала, характеризуется относительной монолитностью и отлична от соседних культур. Это говорит о том, что здесь мы имеем дело с самостоятельным этническим образованием. Единство групп раннетрипольского населения иллюстрирует сложившаяся на начальных фазах развития культуры система орнаментации, в основу которой ложится изобразительный мотив из спирально закрученных змей, который выполняется либо в полной, либо в «скоростной» форме (Балабина 1998; Палагута 2011a: 225). Эта композиция относительно устойчива и повторяется, в той или иной форме, на большей части «столовой» орнаментированной посуды¹². Объединяющей чертой культуры в этот период, кроме керамики и пластики, являются и приемы домостроительства, и характерные украшения (например, подвески из кости с зубчатым краем, медные аналоги которым есть среди материалов знаменитого Карбунского клада).

Пути расселения раннетрипольских общин из зоны формирования культуры в Восточных Карпатах реконструированы в работах Е. К. Черныш и В. Г. Збеновича (Черныш 1979; Збенович 1989). Причиной миграций, скорее всего, являлась относительная перенаселенность исходных районов в Прикарпатье. О возникновении там напряженной военной обстановки свидетельствуют оборонительные рвы, окружавшие поселки в Тырпештах и Траян-Дялул Вией

¹² Кроме того, в различных частях ареала относительно устойчивым остается ряд довольно редких типов сосудов с вертикально разделенной орнаментальной композицией. Они встречены и в Траян-Дялул Вией в Прикарпатье — поселении фазы Прекукутени I (Marinescu-Vîlci 1974a: fig. 30), и в Слободке-Западной и Тимково — поселениях Прекукутени III на юго-восточной границе ареала в Днестро-Бугском междуречье (Телегин 1994). Сохранение этого типа на восточной периферии ареала и исчезновение в месте первоначального распространения подтверждает относительно краткие сроки освоения ареала.

(Marinescu-Vîlci 1976), а также «высокая» топография ряда других прекукутенских памятников этого региона, расположенных на мысах и останцах.

Волна расселения начинается на уровне фазы Прекукутени II, когда раннетрипольское население осваивает Пруто-Днестровское междуречье (Флорешты, Рогожаны, входящие в целую группу поселений в бассейне р. Реут), а также Среднее Поднестровье (Бернашевка, Окопы и другие памятники). На уровне следующей фазы Прекукутени III носители культуры проникают в междуречье Днестра и Южного Буга (Александровка и связанная с ней группа памятников), на Южный Буг (Сабатиновка II, Гайворон и др.) и даже в междуречье Южного Буга и Днепра (Гребенюков Яр). Вопрос о наличии автохтонного населения на этой территории и его судьбе пока остается открытым.

Следует обратить внимание на прерывистость раннетрипольско-прекукутенского ареала. Стратегию расселения определял принцип миграции, при котором группы памятников, отмечающие территорию, освоение которой производилось в течение относительно длительного отрезка времени, расположены на расстоянии порядка 60–80 км друг от друга. Это соответствует 3–4-дневному пешему переходу. Получается, что на определенном уровне «насыщения» микрорегиона отдельные группы населения удалялись за его пределы на расстояние более значительное, чем обычно переносили поселение в пределах микрорегиона (4–6 км).

Очевидно, что прерывистость раннетрипольского ареала обусловлена тем, что предел «емкости» экологической системы лесостепи Восточной Европы еще не был достигнут, и группы выбирали районы с оптимальным сочетанием ресурсов¹³. Однако очевидно, что здесь важную роль играли и социо-культурные факторы, определявшие порядок расселения. Дистанции между группами были достаточно большие, чтобы не сталкиваться с соседями в процессе экстенсивного освоения территории (с учетом последующего переноса поселков), но при этом сохранялась возможность контактов.

Так, в результате процесса расселения происходило не только освоение новой территории, но пространство географическое преобразовывалось в пространство социальное (см.: Kus 1983: 277–278), с участками, заселенными населением, в той или иной мере объединенным генетическими взаимосвязями, находящимся в той или иной степени родства. Судя по отмеченному выше единству материальной культуры, взаимосвязи групп носителей культуры раннего Триполья были еще достаточно прочными.

На фоне такой прерывистой структуры «социального пространства» культуры находки наборов статуэток, фактически, маркируют наиболее крупные скопления памятников (рис. 7). Особенно четко — линию Подури — Исайя — Тимоково-Александровка — Сабатиновка, выстроившуюся по одному из основных

¹³ Одной из причин прерывистости ареала мог быть и поиск новых охотничьих угодий: в хозяйстве раннеземледельческого «пограничья» — а Триполье-Кукутени как раз является такой культурой, сформировавшейся на северо-восточных границах европейской земледельческой Ойкумены, — охота должна играть достаточно большую роль. Это подтверждает и остеологический материал из целого ряда памятников Северной Молдовы и Среднего Поднестровья, где кости особой диких животных составляют до 45–55 % (Збеневич 1989: табл. 5; Журавльов 2004: 169).

путей движения. Еще один путь уходит к северу — от флорештской группы на Реуте к среднеднестровским памятниками типам Бернашевки.

Не являются ли эти наборы, представляющие собой устойчивую группу персонажей, тем «связующим звеном», объединяющим группы, на которые дробилось растущее раннетрипольско-прекукутенское население, которое активно осваивало новые для него пространства?

На более позднем материале, относящемся уже к эпохе сложения государств, известны примеры сложения территориальных структур, объединяющих группу функционально-иерархически соотносящихся поселков. Примечательно, что образовавшиеся на их основе пространственные конфигурации таких городов-поселений в Средиземноморье — «двенадцатиградия» — были организованы согласно группам сакральных для Ближнего Востока и Средиземноморья чисел: 2, 3, 4, 6, 12, «являющихся одновременно основными операционными единицами в исчислении» (Кожин 1991: 15–16). Очевидно, что истоки подобной «политической геометрии», выступающей здесь в уже сложившемся и освященном традицией виде, уходят корнями в раннеземледельческие культуры Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы. Так что с определенной долей вероятности можно предположить, что некие числовые параметры были использованы также при организации общинно-родовых или демовых (племенных) и, соответственно, пространственных структур в обществе носителей трипольско-кукутенской культуры. Нет ли здесь связей с числовыми соответствиями статуэток в наборах?

На следующем этапе развития Триполье VI — Кукутени А, с ростом численности и плотности населения, с освоением территорий в пределах ареала и исчезновением значительных промежуточных пространств между группами памятников, культура дробится на локальные варианты. Это иллюстрируют керамические комплексы поселений этого этапа (Palaguta 2007). Таким образом, происходит и изменение «социального пространства», конфигурации которого определяются сложившимися системами региональных связей, которые становятся более прочными, чем связи между группами населения в пределах всего ареала. Изменение форм пластики и исчезновение наборов статуэток раннетрипольского типа происходит именно на этом фоне. Насколько взаимосвязаны эти явления?

Судя по размерам и структуре поселков, включающих несколько домов, образующих кольцевую структуру или выстроившихся вдоль склона, по отсутствию резко выделяющихся своей конструкцией построек и однородности их инвентаря, социальная структура раннетрипольско-прекукутенского общества не имела четкого деления на имущественные страты. Не противоречит этому и находка знаменитого Карбунского клада (см.: Дергачев 1988): отмеченная И. В. Манзурой «устойчивость комбинаций» изделий в этом и более поздних трипольских кладах (Манзура 1994: 14–15) позволяет предположить их ритуальный характер (связаны с ритуалом оставления поселений?).

Общества носителей культуры раннего Триполья-Прекукутени, по всей видимости, не имели характерной для «вождеств» сложной социально-политической организации, основанной на системе иерархических связей. Данных, свидетельствующих об иерархии поселений в группах, нет. Отсутствуют и ритуальные центры с монументальной архитектурой или другими конструкциями

неутилитарного назначения, вокруг которых складывались бы такие объединения (см.: Крадин 1995; Березкин 1995)¹⁴.

Постройки с находками «культового характера» часто интерпретируются как «храмы» или «святилища». Однако их архитектура не отличается от архитектуры других построек, а состав находок обычно в той или иной мере отражает не столько сакральную, сколько бытовую сферу жизни: здесь представлены наборы «столовой» и «кухонной» керамики бытового назначения, орудия труда и отходы от их производства, присутствуют очаги или печи. Наличие в ряде построек артефактов явного или не вполне явного «культового» характера — алтарей, наборов статуэток, бычьих черепов и т. д. — не исключает параллельного их использования в качестве жилищ (Палагута 2011а: 75–78). Отсутствие построек, выполняющих исключительно культовую функцию, указывает на то, что здесь члены коллективов, исполняющие ритуальные функции, по-видимому, определялись на уровне половозрастных или клановых групп в составе населения поселка. По этнографическим данным, такая система обычно предполагает наличие разработанной структуры таких групп и использование отработанных ритуалов инициации для перехода из одной группы в другую¹⁵. Учитывая это, вполне можно допустить, что иерархия размеров статуэток в рассмотренных выше наборах тоже может отражать именно такую структуру, основу которой создает иерархия половозрастных групп.

Для последующей интерпретации статуэток из раннетрипольско-прекукутенских наборов исходными будут следующие положения:

1) наборы регулярно воспроизводились в течение двух-трех столетий, период их существования охватывает промежуток времени до 300 лет;

2) в этот период, на фоне мощного демографического роста, происходит активное расселение носителей культуры по значительной по площади территории;

3) образующаяся в результате расселения структура ареала складывается из групп («гнезд») памятников, удаленных друг от друга на 60–80 и более километров. Сами группы образованы одновременными поселениями, оставленными коллективами ранних земледельцев, периодически переносившими поселки на новое место, расположенное обычно в нескольких километрах от исходного памятника. Кроме того, и в том, и в другом случае расселение сопровождалось делением коллектива с отселением его части на новое место;

4) в условиях дробления групп на начальном этапе такого «фронтального» расселения сохранялись взаимосвязи групп раннетрипольско-прекукутенского населения — как генетические, так и пространственные. Эти связи выражаются как в системах дарообмена и брачных контактах, иерархии групп (родовых, клановых и т. п.), так и в сохранении представлений о единстве происхождения.

¹⁴ Приведенный в работе Ю. Е. Березкина пример апатани Восточных Гималаев — акефального сообщества, «единство которого поддерживается не соподчинением иерархических единиц, а сложным переплетением связей на уровне мелких и достаточно равноправных семейных групп» (Березкин 1995: 70–73), — хоть не подходит для проведения прямых аналогий, но дает основания, чтобы предположить возможность складывания достаточно крупных сообществ со слабым уровнем иерархии.

¹⁵ Обзор таких обрядов представляет классическая работа А. ван Геннепа (Геннеп, ван 2002).

Поддержание этих связей так или иначе должно было отразиться в целом ряде идеологических установок, определив содержание ритуальных практик, а также в изобразительном творчестве;

5) в раннетрипольско-прекукутенских поселках обитали сравнительно небольшие коллективы, размер которых обычно не превышал 100–150 человек (бóльшие по размерам поселения, возможно, появлялись в результате слияния нескольких таких групп). В пределах таких сообществ, как правило, развивается кланово-родовая структура с образованием иерархии групп, выделяющихся по половозрастному признаку¹⁶. «Вертикальные» связи между поколениями здесь могли поддерживаться через культ предков. «Горизонтальные» — пространственные, через обмен людьми между сообществами, — а также переходы из одной группы в другую в пределах сообщества могли реализовываться через соответствующие обряды перехода. И в том, и в другом случае важным оказывается наглядное воплощение структуры группы, особенно в ситуации, когда группы периодически разделяются в процессе расселения на вновь осваиваемые территории.

Не здесь ли находятся ответы на вопросы о персонажах и функциях наборов?

В любом случае, для дальнейшего хода исследования необходимо вновь обратиться к наборам фигурок, чтобы выявить структуру взаимосвязей персонажей и построить возможные варианты ее интерпретации.

Интерпретация раннетрипольско-прекукутенских наборов пластики

В ходе дальнейших рассуждений будем исходить из того, что раннетрипольские наборы антропоморфных изображений, несомненно, представляли собой объект, который отображал объединенных в некое иерархически организованное сообщество людей — воображаемых или реальных. Интерпретация зависит от того, по какому принципу составлены наборы, как соотносятся между собой эти персонажи, между которыми явно можно выделить «старших», сидящих на тронах, и «младших», меньшего размера и лишенных такой привилегии.

Все интерпретации этих наборов были основаны на том, что входящие в них статуэтки изображают женщин. Если следовать этой линии, то можно развить ее в сторону ставшей традиционной трактовки фигурок как пантеона Богинь. Этот путь чреват использованием сложившихся клише и основан на весьма шатких умозрительных основаниях.

Исходя из актуальности межпоколенческих и межгрупповых связей в процессе освоения ареала, более логично предположить, что женские фигурки здесь могут изображать некую группу матрон-прародительниц, а их размерность отражает различия в возрастном и/или социальном статусе и, соответственно, иерархию восходящих к ним групп. Автор настоящей работы высказал в связи с этим предположение, что изображение женщин могло быть связано со счетом родства по материнской линии (Палагута 2011б). Однако стало очевидно, что необходим более детальный анализ наборов, как в плане

¹⁶ Анализ различных вариантов структур «племенных обществ» (tribal societies) представлен, например, в работах Маршалла Д. Салинза (см.: Салинз 1999).

исследования форм входящих в них предметов пластики, так и в плане сравнения наборов между собой¹⁷.

Для этого нужно найти такие признаки, которые бы позволили выявить внутреннюю группировку фигурок в наборах, их структуру, несмотря на то что между фигурками обоих наборов есть значительные стилистические различия. Разные исполнители могли акцентировать внимание на различных деталях, делая некоторые «актуальные» (для нас, но не для себя) признаки менее явными или совсем их опуская и, наоборот, выделяя то, что нам кажется несущественным. Нужно учитывать и то, что наборы могли состояться из разных серий изделий, когда нужно было заменить утраченные фигурки, собрать набор для его хранения или перед тем, как оставить его в покидаемом жилище. Все это вызывает значительные затруднения при анализе форм.

Предварительная группировка фигурок уже была намечена выше, при описании наборов. Уже на этом уровне видно, что в обоих случаях выделяются группы из 7 женских фигурок. В Подури это статуэтки со сходной орнаментацией, у которых обозначены груди (рис. 2: 7–13). В Исайе четкое указание на пол — обозначенные бугорками груди — также есть у семи фигурок (рис. 3: 7–13). Здесь эти статуэтки с плоской спинкой — значит, они наверняка входили в группу «старших» фигурок, сидящих в креслицах. Можно предположить, что параллельный ряд фигурок в Подури также размещался на креслицах.

Следующие группы статуэток, которые явно выделяются и в Подури, и в Исайе — с разомкнутыми ногами. Их объединяет также то, что у них не обозначены груди, а ноги — покрыты декором. В Подури их 6, из которых 5 крупных и 1 мелкая (рис. 2: 1–5), в Исайе — 4 (рис. 3: 1–4). И разомкнутые ноги, и декор более тщательно выполненных фигурок из Подури позволяет считать, что, несмотря на бросающиеся в глаза широкие бедра, перед нами не женские, а **мужские** фигурки. Приведу доказательства своей точки зрения.

Во-первых, обзор пластики как раннего, так и более поздних периодов культуры Триполье-Кукутени показывает, что разомкнутые ноги — признак не женских, а мужских статуэток. Ряд фигурок с четко обозначенным признаком пола — фаллосом — и разомкнутыми ногами есть в Луке-Врублевцевой (Бибииков 1953: табл. 75: а, б; 111: а). Там же присутствует серия фигурок с раздельными ногами, но без обозначения фаллоса (Бибииков 1953: табл. 79: а, б), одна из них — тоже без фаллоса, но с характерным мужским атрибутом — поясом (Бибииков 1953: табл. 81). Ряд мужских фигурок — тоже с разомкнутыми ногами — присутствует в Ленковцах (Черниш 1959: 81, табл. XIII: 24, 25, 34). Материал раннего Триполья относительно разнороден, форма мужских изображений не выработана окончательно, их вариативность еще велика.

Стандартизация типа стоящих мужских фигурок с разомкнутыми ногами, поясом и портупеей происходит в период Триполье VI — Кукутени А. Этот тип

¹⁷ Благодарю Л. С. Клейна, П. М. Кожина и Ю. Е. Березкина за советы и замечания, высказанные в ходе обсуждения тезисов в личных беседах. В частности, Ю. Е. Березкин справедливо заметил, что в Европе и прилегающих областях Азии матрилинейность не распространена, и появление ее в Триполье было бы исключением в общем объеме исторических и этнографических данных, собранных по этой обширной территории. Это заставило автора за поиском доказательств обратиться к более детальному исследованию наборов.

представляют 6 мужских фигурок, сопровождаемых парными им женскими, из набора в Думешти (Maxim-Alaiba 1987), значительная серия находок из Скинтейи, где в раскопанных жилищах мужские статуэтки составляют 15–25 % пластики (Marinescu-Bîlcu 1993), а также многочисленные единичные находки с целого ряда других памятников (Monah 1997: fig. 27: 1; 36: 1–9; 37: 1–6, 8, 11; 38: 2–6; 39: 1; 42: 1–7; 43: 1–9). Признак пола — фаллос — у этих статуэток либо в виде небольшого выступа, либо вообще не показан, таким образом пол часто маркируют только пояс и разомкнутые ноги. Нужно отметить, что у статуэток из Думешт, несмотря на наличие отмеченного небольшим выступом фаллоса, круглыми налепами показаны соски — вроде бы женский признак, но встреченный на мужских статуэтках (рис. 8: 5).

Этот же статуарный тип существует и в последующие периоды развития культуры Триполье BII, CI — Кукутени AB, B. Но здесь уже наблюдаются нарушения формы: ноги часто делаются слитными, признаком пола становится выступ-фаллос и/или португепя с поясом (рис. 8: 3). В эти периоды распространяется традиция делать отверстия в руках и бедрах статуэток, очевидно, для закрепления с их помощью «кукольной» одежды, которая могла обозначать пол у фигурок с невыраженными половыми признаками.

Таким образом, признаки пола у мужских статуэток варьируют и могут обозначаться по отдельности¹⁸. В наборах они проявляются в контексте противопоставления противоположному «женскому» ряду (рис. 8: 3–6). Выдерживается лишь некий общий стереотип мужского образа. То же самое происходит и с женскими статуэтками, где наличие налепов-грудей или их отсутствие далеко не всегда является признаком пола. Главное для автора — чтобы фигурка была определима, а в рамках малых сообществ, в которых статуэтки функционировали, не требовалось большой детализации, тем более что при этом всегда был доступен голосовой комментарий (Палагута 2011а: 265).

Во-вторых, широкие бедра не являются тем критерием, который отличает мужскую фигурку от женской. В раннеземледельческой пластике широкобедность характерна и для мужских фигурок (Палагута 2011а: 109–110). Высказывалось мнение, что такие статуэтки, если у них нет изображения фаллоса, изображали двуполых существ — андрогинов (Антонова 1977: 76–77; Риндюк, Скакун 1999). Однако при атрибуции таких статуэток следует учитывать особенности архаичного художественного творчества, в котором достаточно широко распространен прием «конструирования» образа из набора стандартных изобразительных элементов¹⁹. Пример явных несоответствий пропорциям мужского тела представляет ряд среднеазиатских фигурок из Алтын-депе. Их непропорционально широкие бедра напоминают бедра женских статуэток,

¹⁸ В данном ключе как мужские могут быть определены раннетрипольские статуэтки «с посохом» (рис. 4: 1; 7: 12), которые, как показывает пример из Сабатиновки II, тоже могли входить в состав наборов. Верхние части таких фигурок обнаружены в Ленковцах (Черниш 1959: табл. XIII: 37) и Луке-Врублевецкой (Бибилов 1953: табл. 80: а, б; 112: б).

¹⁹ Такой принцип изображения, где основу формы составляют изобразительные инварианты, например, характерен для многих петроглифов (Шер 1980: 30–33). Стереотипы в изобразительном искусстве Нового времени детально рассматривает Э. Гомбрих (Gombrich 1972: 63–90). Как и в случае с изображениями, из определенного набора метафор «конструируются» и образы в устном народном творчестве (Маразов 1994: 14).

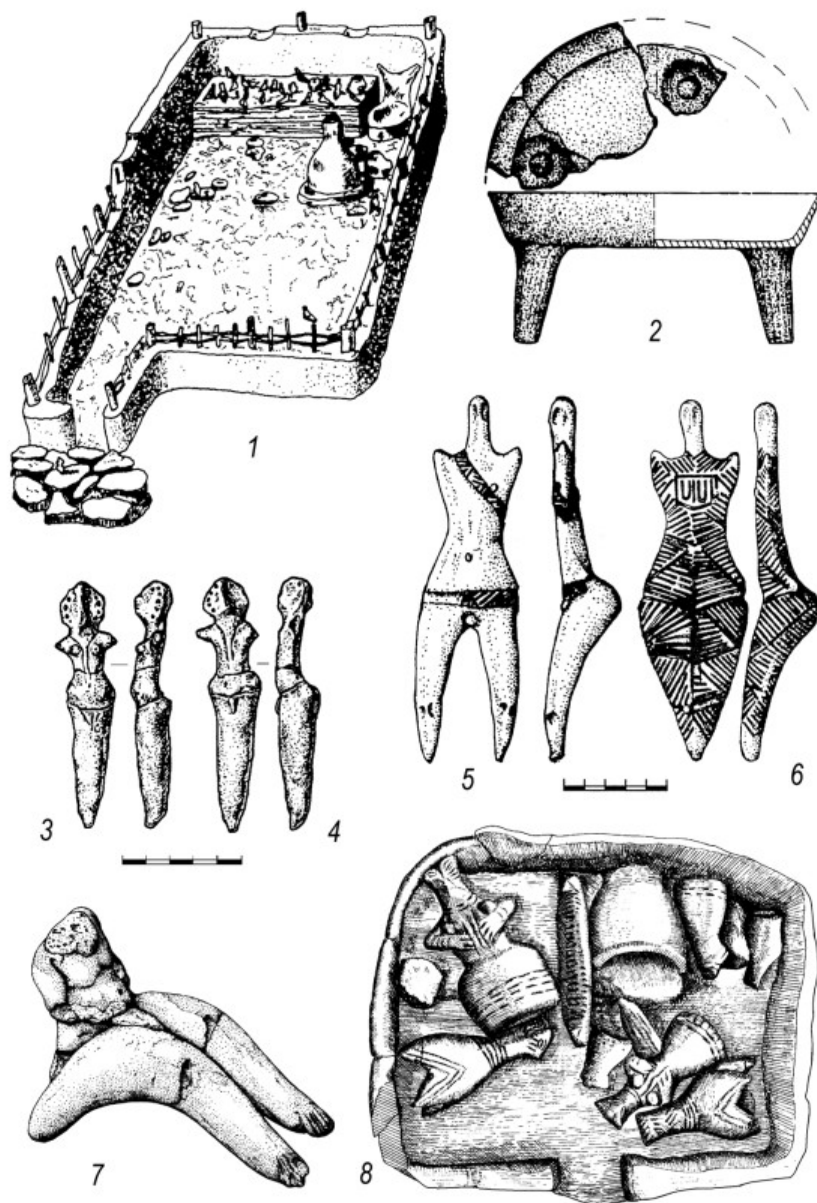

Рис. 8. Функционирование наборов и аналогии: 1 — «святилище» в Сабатиновке II (по Макаревич 1960); 2 — «алтарь» из постройки 1 в Исайте (по Ursulescu, Tencariu 2006); 3–4 — мужская и женская статуэтки из Майданецкого, период Триполье С1 (по Бурдо 2001); 5–6 — мужская и женская фигурки из Думешти (по Maxim-Alaiba 1987); 7 — сидящая мужская фигурка из Сескло (по Perlès 2001); 8 — набор фигурок в модели жилища из фигурок из Платиа Магула Зарко (по Gallis 1985).

Fig. 8. Functions and analogies: 1 — «shrine» at Sabatinovka II (after Макаревич 1960); 2 — «altar» from building 1 at Isaia (after Ursulescu, Tencariu 2006); 3–4 — male and female figurines from Maidanetskoie, Tripolye C1 period (after Бурдо 2001); 5–6 — male and female figurines from Dumești (after Maxim-Alaiba 1987); 7 — sitting man figurine from Sesklo (after Perlès 2001); 8 — set of figurines in the model of a dwelling from Platia Magula Zarkou (after Gallis 1985).

но при этом четко указывают на пол и изображение соответствующих органов, и пояса (Массон 1981: табл. X: 3, XII: 9, 10). Видно, что при их изготовлении был использован определенный шаблон-стереотип, сформировавшийся в рамках изобразительной традиции, где доминировали женские изображения.

Стереотипный прием доминировал и в раннеземледельческих культурах Европы. Фигуры лепились из трех одинаковых брусков глины — туловища и двух ног. Поэтому бедра становились широкими и у женских, и у мужских статуэток. Тем более у сидящих фигурок, у которых основание должно быть широким для устойчивости. Если обратиться к формам сидящих фигурок Юго-Восточной Европы, то ряд из них представляет значительные деформации формы тела. Например, сидящие мужские статуэтки из Магула Карамурлар и Сескло — памятников раннего неолита Греции (Perlès 2001: fig. 12.2; Палагута 2011а: рис. 30: 8), — где ноги и стул изображены в виде слепленных вместе двух изогнутых брусков глины, к которым сверху прилеплено туловище (рис. 8: 7). В еще более схематичной форме «тетраподов» представлены мужские фигурки в наборе из Платиа Магула Зарко (рис. 8: 8).

Исходя из вышеуказанных замечаний, пол фигурок с разомкнутыми ногами из Подури и Исайи однозначно можно определить как мужской. В Подури его признаком становятся разомкнутые ноги и пояс, свисающие концы которого изображают ленты декора на бедрах, в Исайе — разомкнутые ноги и декор на бедрах, возможно, более условно, в соответствии с общей более небрежной манерой исполнения всего набора, изображающий такие же концы пояса.

Сумма серий мужских (6) и женских (7) фигурок в Подури в итоге дает 13. Это как раз соответствует числу креслиц. Но в Исайе однозначно мужских фигурок только 4. Однако на 13 креслиц могут сесть 13 статуэток с уплощенными спинками. Кроме двух означенных серий мужских и женских фигурок здесь есть еще 2 фигурки с плоской спиной (рис 4: 5, 6). Ноги у них слитные, как у женских²⁰, но груди, как у всей серии однозначно женских фигурок (явно противопоставленной мужским), не обозначены. Кроме того, здесь есть и очевидные параллели с четырьмя мужскими фигурками в форме верхней части тела: такие же ориентированные вверх, а не в стороны плечевые выступы, отверстия в плечах. Не могут ли они тоже быть мужскими? Если так, то в Исайе получается такое же соответствие «старших» (с креслицами) мужских и женских фигурок, как и в Подури: 6 и 7.

Остальные 8 фигурок в том и другом наборах демонстрируют значительные вариации. В Подури определено выделяются три крупных фигурки, выполненные в иной стилистической манере (рис. 2: 14–16), возможно, попавшие сюда из другого набора или сделанные дополнительно. Одна из них (рис. 2: 16) находит параллель в Исайе (рис. 3: 16) — у них обеих расширены концы стоп. Не может ли это быть характерной чертой какого-то определенного персонажа? Остальные пять фигурок в Подури — миниатюрного размера, но различающиеся между собой, — параллелей с набором в Исайе не дают.

²⁰ При этом у одной из этих фигурок (рис. 3: 5) налицо и явные стилистические соответствия с четырьмя женскими фигурками (рис. 3: 7–10), а у другой (рис. 3: 6) — по угловатым линиям на бедрах — с одной из женских и двумя фигурками неопределенного пола (рис. 3: 13, 15, 18). Не могло ли на этом сказаться то, что набор скомпонован из нескольких серий фигурок, выполненных различными исполнителями в различной стилистической манере?

В Исайе группа из «младших» фигурок определяется не размерами, а формовкой туловища и головы в виде одного стержня, без плеч (рис. 3: 14–21). Четыре из них выделяются насечками на груди (руки?) (рис. 3: 17–20). Из этих фигурок лишь одна миниатюрная (рис. 3: 21).

При сопоставлении обоих наборов (табл. 1) видно соответствие их составов, где четко выделяется группа «старших» фигурок с четко определимым полом. Для них, скорее всего, предназначались креслица. Эти статуэтки и составляют постоянную часть набора, остальные, которые без креслиц, — переменную, где формы фигурок варьируют.

Таблица 1. Соотнесение групп статуэток из наборов, обнаруженных в Подури и Исайе

Типы статуэток	Подури	Исайе	Общая группировка по полу	Общая группировка: с креслами или без
Статуэтки с раздельными ногами	5 (муж.)	4 (муж.)	6 (мужские)	13 (с креслицами)
Маленькие статуэтки с раздельными ногами	1 (муж.)			
Статуэтки с обозначенными плечевыми выступами, но без грудей		2 (муж.?)		
Крупные статуэтки с обозначенными грудями и расставленными в стороны руками	7 (жен.)	7 (жен.)	7 (женские)	
Статуэтки с обозначенными грудями, с расширенным и уплощенным окончанием ног	1	1	8	8 (без креслиц)
Крупные статуэтки-столбики, без груди		2		
Крупные статуэтки-столбики, без груди, прочерчены линии на груди		4		
Мелкие статуэтки-столбики	3	1		
Крупные статуэтки с грудью и расставленными руками (разные типы)	2			
Мелкие статуэтки (отдельные типы)	2			
	21	21	21	21

По реконструкциям интерьера построек можно приблизительно воссоздать процесс проведения обрядов или ритуалов, связанных с наборами фигурок. К сожалению, план постройки 36 в Подури не опубликован, но в Исайе и Сабатиновке II наборы пластики обнаружены у дальней стены построек, напротив входа, поблизости от очагов и печей (Макаревич 1954: рис. 1; Макаревич 1960: рис. 1; Ursulescu, Tencariu 2006: fig. 12). В Сабатиновке II фигурки располагались на глинобитном возвышении (рис. 8: 1), а в Исайе, по-видимому, расставлялись на переносном «алтаре» (рис. 8: 2). Важная деталь интерьера «святынища» в Сабатиновке II — глинобитное кресло, находящееся в дальнем углу помещения за печью и около глинобитной платформы. Здесь мог располагаться тот человек, который говорил от имени персонажей и комментировал их слова. По окончании действия статуэтки укладывались в предназначенный для них контейнер. Когда жители покидали поселение, фигурки, вероятно, оставались в тех постройках, в которых происходили все действия, с которыми они были связаны.

Исходя из культурного контекста, наиболее вероятным для интерпретации наборов будет предположение, что фигурки изображали линию предков-пра-родителей. Двухуровневая структура наборов указывает на то, что сидящие на креслицах фигурки, представляющие их постоянную часть, должны были соответствовать общим для всей раннеэтрипольско-прекукутенской популяции предкам — «воображаемым людям, которые заняли места реальных мужчин и женщин первоначальных времен» (Годелье, 2007: 213), а переменная часть наборов могла быть связана с конкретной группой населения (поколением потомков?).

Функция таких наборов может быть определена только приблизительно. Из анализа самих наборов, условий их обнаружения и культурного контекста следует, что фигурки, несомненно, использовались в кругу обрядов, связанных с общением с предками, которые, помимо культа предков, могли включать и инициации, и практику гаданий — мантику²¹.

Столь популярные в ранний период, наборы фигурок с креслицами исчезают в следующем периоде развития культуры. Параллельно происходит и изменение пропорций фигурок, которые становятся более стройными, более приближенными к абрисам человеческого тела. В коллекциях пластики доминирует тип стоящих статуэток с углубленным орнаментом (эта тенденция наблюдается уже на поселениях финала Триполья А Среднего Поднестровья — Лука-Врублевская, Берново-Лука, Ленковцы). Несмотря на неоднократные предположения, что декор фигурок передает татуировки (Погожева 1983: 120) или пеленание тела (Gheorghiu 2010: 66–67), есть веские основания полагать, что так изображается одежда (Палагута 2011а). На шее стоящих женских фигурок часто изображен амулет. Аналогичные металлические — золотые и медные — амулеты встречены в погребениях Варненского могильника и в составе трипольских кладов (Карбуна, Брад, Хэбэшести). На трипольских поселениях найдены многочисленные такие же глиняные амулеты, подражающие металлическим (Palaguta 2007: 65, fig. 98, 101). Этот женский образ дополняет устойчивый тип мужской фигурки с портупеей и поясом.

Изменения в иконографии фигурок происходят на фоне перемен в материальной культуре в период Триполье VI — Кукутени А, выразившихся в распространении полихромии в декоре керамики, в распространении гумельницких и степных влияний (Palaguta 2007). Резко возрастает число памятников (их известно более 600), в зоне с наибольшей плотностью заселения регулярно возводятся оборонительные сооружения, и доминирует «высокая» топография

²¹ Интересная находка, подтверждающая наличие игры в кости, а соответственно, использования «генератора случайных чисел», по принципу которого функционируют гадания, сделана в слое периода Кукутени А в Подури-Дялул Гиндару. Это набор из 25 астрагалов (Bejenaru, Monah, Vodi 2010). В этом «игровом» наборе в некоторой мере отражены и числовые соотношения, использовавшиеся в наборах фигурок: 21 астрагал (число статуэток, кратность 7) принадлежит быку, 4 — благородному оленю, 1 — овце/козе; 11 из них — правые, 14 (опять кратность 7) — левые. Такую роль могли играть и 42 конуса-«фишки» из ямы 17 (Ursulescu, Tencariu 2006: 18, pl. VIII: 4–6), а также предметы в виде конусов, шариков и бусы из набора из постройки 1 в Исайте. Возможно, элементы мантики играли свою роль и в действиях со статуэтками — общение с предками или персонажами сакрального мира часто предусматривает получение от них прогнозов и рекомендаций.

поселений. Четко обозначаемые по керамическим стилям локальные варианты отражают концентрацию линий связей в пределах отдельных регионов. Таким образом, в рамках трипольско-кукутенских коллективов актуальными становятся связи локального уровня и наиболее близкие линии родства. Это фиксируется и в изменении состава наборов пластики, примером чему является комплекс из Берешти, включающий 12 парных мужских и женских стоящих фигурок (Maxim-Alaiba 1987)²².

В более поздних наборах периодов Триполье VII, CI — Кукутени А-В встречаем уже по 4 разнополюх фигурки, уложенных в сосуды (Бузня, Гэлэешти-Недейя: см. Monah 1997: 41–42), или 4 и 2 разнополюе статуэтки, помещенные в модели жилищ (Гэлэешти: см. Monah 1997: 47–48), или набор из трех фигурок — 2 мужских и 1 женской, обнаруженных в контексте одного жилища (Майданецкое: Бурдо 2001: рис. 34: 2–4). Такой сдвиг акцента на малый, семейный коллектив происходит на фоне общего укрупнения трипольско-кукутенских сообществ, где число жителей возрастает от нескольких сотен до нескольких тысяч.

Сходные наблюдения были проведены С. Наноглоу над моделями жилищ неолита Греции: кроме известных с раннего неолита «закрытых» моделей, с крышей, в позднем неолите появляются и начинают доминировать «открытые», без крыши и с деталями интерьера, что исследователь связывает с тенденцией к выделению в рамках общин отдельных домохозяйств и соответствующей индивидуализацией жилого пространства (Nanoglou 2001: 308–310). Одна из таких моделей — из Платиа Магула Зарко в Фессалии — дает ключ к пониманию трипольских наборов. Она обнаружена под полом жилища и воспроизводит в масштабе его интерьер. Найденные в ней восемь фигурок ранжированы по размеру, крупные и средние по размерам представляют пары из мужской и женской фигурок, еще четыре — мелкие схематичные, с неопределенным полом (рис. 8: 8). По предположению автора раскопок К. Галлиса, эти фигурки могут воспроизводить три поколения одной семьи (Gallis 1985: 20–24, pl. XIV–XVI). Близкую интерпретацию предложил А. Уиттл, считающий, что набор мог персонализировать более общую идею нисходящей линии предков, метафорично представляя поколения создателей телля (Whittle 1996: 87–88, fig. 4.5).

Выводы

Подведем итоги. Анализ материалов и реконструкция культурного процесса, развернувшегося на начальном этапе развития Триполья-Кукутени, позволяет сделать вывод о том, что наборы антропоморфных фигурок, получившие широкое распространение в этот период, отражают культурную идентичность носителей прекукутенско-раннетрипольской традиции. Наборы из Подури и Исаяи представляют уникальные случаи достоверных комплексов находок, где статуэтки группируются по полу и социально-возрастному статусу, представляя образ группы людей, находящихся в состоянии диалога. Наиболее вероятной интерпретацией этих наборов будет изображение группы предков — мифических, связанных с представлением о единстве происхождения

²² Эти «танцующие» статуэтки соотносятся с «хороводами» из антропоморфных фигур, образующими поддоны мисок (Палагута 2011а: 116).

носителей культуры (возможно, их изображают «старшие» фигурки, сидящие на специальных креслицах), и/или прародителей конкретных общин или родов.

Очевидно, что наборы имели отношение к культу предков и, вполне возможно, использовались при инициациях. Присутствие числового кода в структуре наборов, возможно, указывает и на их отношение к мантической практике. Одно здесь не исключает другого.

Изготовление и использование наборов сидящих фигурок соответствует периоду формирования культуры Триполье-Кукутени и первичному освоению ареала ее носителями. Фигуры группы предков, воспроизводимые в раннетрипольских коллективах, наглядно отражали единство их происхождения, а также систему вертикальных (межпоколенческих) и горизонтальных (межгрупповых) взаимосвязей, объединяющих носителей одной культуры, вероятно, соответствующей и определенной этнической общности.

Прекращение использования наборов в том виде, в котором они функционировали в начальный период, на последующих этапах Триполья-Кукутени связано с изменением идеологических представлений на фоне образования локальных вариантов и групп памятников, в пределах которых концентрируются и связи между группами оставившего их населения. Свою роль здесь играет и укрупнение сообществ, что приводит к акцентированию внимания на семейных линиях предков. Отсюда и находки наборов с меньшим числом статуэток, связанных с моделями жилищ.

Следует отметить, что означенная линия интерпретации мелкой антропоморфной пластики касается только конкретной разновидности изделий. Пластика в целом — полифункциональна. Фигурки людей и животных являлись одним из основных выразительных средств художественного языка раннеземледельческой эпохи, метафорическое пространство которой охватывало различные стороны жизни человека. Так что функции и образы различных форм пластики — различны. Прояснить их может дальнейший тщательный анализ форм фигурок, их археологического контекста в комплексе с реконструкциями особенностей той культурной среды, в которой они функционировали.

Литература

- Алексеев В. П. 1988. Демографическая и этническая ситуация // Бромлей Ю. В. (ред.). История первобытного общества. Эпоха классового образования. М.: Наука, 294–344.
- Антонова Е. В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука.
- Балабина В. И. 1998. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ 2, 135–151.
- Балабина В. И. 1998. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М.: ИА РАН.
- Березкин Ю. Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Попов В. А. (ред.). Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 62–78.
- Бибииков С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (к истории ранних земледельческо-скотоводческих обществ на юго-востоке Европы). М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА 38).

- Бурдо Н. Б.* 1989. Александровская группа раннетрипольских памятников // Субботин Л. В. (ред.). Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 5–29.
- Бурдо Н. Б.* 1998. Хронологія і періодизація Трипілля А // Археологія 4, 78–88.
- Бурдо Н. Б.* 2001. Теракота трипільської культури // Рижов С. М., Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю., Магомедов Б. В. Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. Ч. 1. Київ: ІА НАНУ, Товариство Коло-ра, 61–146.
- Бурдо Н. Б.* 2004а. Сакральний світ трипільської цивілізації // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. I. Київ: Укрполіграфмедіа, 344–420.
- Бурдо Н. Б.* 2004б. Тимковський комплекс сакральних речей // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 522–523.
- Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю.* 1985. Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області // Археологія (52). Київ: Наукова думка, 78–86.
- Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю.* 2008. Трипільська культура. Спогади про золотий вік. Харків: Фоліо.
- Відейко М. Ю.* 2004а. Абсолютне датування трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 1. Київ: Укрполіграфмедіа, 85–96.
- Відейко М. Ю.* 2004б. Археологічні пам'ятки трипільської культури на території України. Реєстр. Вступне слово // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 1. Київ: Укрполіграфмедіа, 564–565.
- Геннеп А., ван* 2002. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература.
- Гимбутас М.* 2006. Цивілізація Великої Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН.
- Годелье М.* 2007. Загадка дара. М.: Восточная литература.
- Дергачев В. А.* 1998. Кэрбунский клад. Кишинев: АН РМ.
- Есипенко А. Л.* 1957. Раннетрипольское поселение Александровка (по материалам разведок и раскопок 1949–1951 гг.) // МАСП 1, 10–23.
- Журавльов О. П.* 2004. Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. I. Київ: Укрполіграфмедіа, 151–182.
- Збенович В. Г.* 1980. Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры). Киев: Наукова думка.
- Збенович В. Г.* 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наукова думка.
- Зиньковская (Бурдо) Н. Б.* 1976. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка // МАСП 8, 161–170.
- Кожин П. М.* 1991. «Политическая» геометрия в Древнем Китае // Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть I. М.: ИВ РАН, 14–18.
- Колесников А. Г.* 1993. Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка.
- Кошелев И. Н.* 2005. Памятники Трипольской культуры по данным магнитной разведки. Киев, 2005.
- Крадин Н. Н.* 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Попов В. А. (ред.). Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 11–61.
- Манзура И. В.* 1994. Трипольские клады и погребения степного энеолита // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д.: Молот, 14–16.

- Макаревич М. Л. 1954. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II // КСИА АН УССР 3, 90–94.
- Макаревич М. Л. 1960. Об идеологических представлениях трипольских племен // ЗОАО I/34, 290–301.
- Маразов И. 1994. Митология на златото. София: Христо Ботев.
- Маркевич В. И. 1973. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970–1971 гг. // АИМ в 1970–1971 гг., 52–78.
- Маркс К. 1963. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Гос. изд-во политической литературы.
- Массон В. М. 1980. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Артеменко И. И. (ред.). Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наукова думка, 204–212.
- Массон В. М. 1981. Алтын-депе. Л.: Наука.
- Массон В. М., Сариниди В. И. 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука.
- Палагута И. В. 2000. Системы расселения ранних земледельцев Карпато-Поднепровья: опыт изучения микрогрупп памятников культуры Триполье-Кукутени // АВ 7, 53–62.
- Палагута И. В. 2011а. Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб.: Алетейя.
- Палагута И. В. 2011б. Об отражении социального контекста в раннеземледельческой пластике // Памятники археологии и художественное творчество. Омск: Наука, 60–63.
- Погожева А. П. 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука.
- Риндюк Н. В., Скаун Н. Н. 1999. Новые находки антропоморфной пластики в Болград-Алдень II // ВА 1, 35–40.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.
- Салинз М. 1999. Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Телегин Д. Я. 1994. Образ змееликой богини в Триполье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 73–74.
- Фролов Б. А. 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука.
- Фролов Б. А. 1992. Первобытная графика Европы. М.: Наука.
- Фрэзер Дж. Дж. 1980. Золотая ветвь. М.: Изд-во политической литературы.
- Черниш К. К. 1959. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Киев: Вид-во АН УРСР.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б. 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН.
- Черныш Е. К. 1976. Основные пути расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период // Кольцов Л. В., Зимина М. П., Гадзяцкая О. С. (ред.). Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 90–102.
- Черныш Е. К., Массон В. М. 1982. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Рыбаков Б. А. (ред.). Энеолит СССР. М.: Наука, 165–320.
- Шер Я. А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука.
- Эванс-Причард Э. 2003. История антропологической мысли. М.: Восточная литература.
- Эванс-Притчард Э. 2004. Теории примитивной религии. М.: ОГИ.
- Antony D. W., Chi J. Y. (eds.) 2010. The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC. Princeton: Princeton University Press.

- Bailey D. W.* 2005. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge.
- Bailey D. W.* 2010. The figurines of Old Europe // Anthony D. W., Chi J. Y. (eds.). The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000–3500 BC. Princeton: Princeton University Press, 112–127.
- Bejenaru L., Monah D., Bodi G.* 2010. A deposit of astragali at the Copper Age tell of Poduri-Dealul Ghindaru, Romania // *Antiquity's Project Gallery*. Vol. 84, Issue 323, March 2010. <http://antiquity.ac.uk/projgall/bejenaru323/>.
- Bodean S.* 2001. Așezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Repertoriu). Chișinău: Pontos.
- Comșa E.* 1974. Istoria comunităților culturii Boian. București: Editura Academiei RSR.
- Drașovean F., Popovici D.* 2008. Neolithic Art in Romania. Bucharest, June 3 — October 5, 2008. Naples: Arte'm.
- Gallis K. J.* 1985. A late Neolithic foundation offering from Thessaly // *Antiquity* 59, 20–24.
- Gheorghiu D.* 2010. Ritual technology: an experimental approach to Cucuteni-Tripolye Chalcolithic figurines // Gheorghiu D., Cyphers A. (eds.). Anthropomorphic and Zoonomorphic Miniature Figures in Eurasia, Africa and Meso-America. Morphology, Materiality, Technology and Context (BAR IS 2138). Oxford: Archaeopress, 61–72.
- Gombrich E. H.* 1972. Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation. Princeton: Princeton University Press.
- Hansen S.* 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit: Untersuchungen zur antropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa Mainz: Philipp von Zabern.
- Hassan F. A.* 1978. Demographic archaeology // *AAMT* 1, 49–103.
- Kus S. M.* 1983. The social representation of space: dimensioning the cosmological and quotidian // Moore J. A., Keene A. S. (eds.). *Archaeological Hammers and Theories*. New York: Academic Press, 277–298.
- Lesure R. G.* 2002. The Goddess Diffracted. Thinking about the Figurines of Early Villages // *CAn* 43, 587–610.
- Mantu C.-M.* 1998. Cultura Cucuteni: evoluție, cronologie, legături. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra-Neamț.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1967. Die Bedeutung einiger Gesten und Haltungen in der jungsteinzeitlichen Skulptur der außerkarpatiscen Gebeite Rumäniens // *Dacia* XI, 47–58.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1974a. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. București: Editura Academiei RSR.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1974b. La plastica in terracotta della cultura precucuteniana // *RSP* XXIX, 399–436.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1976. Tipurile de așezări și sistemele lor de fortificație în cuprinsul culturii Precucuteni // *MA* IV–V, 55–65.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1981. Tîrpești: from Prehistory to History in Eastern Romania (BAR IS 107). Oxford: Archaeopress.
- Marinescu-Bîlcu S.* 1993. Plastica antropomorfă a așezării Cucuteni A3 de la Scânteia (jud. Iași) // *AM* XVI, 51–68.
- Maxim-Alaiba R.* 1987. Le complexe de culte de la phase Cecuteni A3 de Dumești (dép. Vaslui) // Petrescu-Dîmbovița M. et al. (eds.). La civilisation de Cucuteni en contexte Europeen. Iași: Université „Al.I. Cuza”, 269–286.
- Meskel L. M.* 1995. Goddesses, Gimbutas and “New Age” archaeology // *Antiquity* 69, 74–86.

- Meskel L. M.* 1998. Oh my goddess! Archaeology, sexuality and ecofeminism // AD 5, 126–142.
- Monah D. (ed.)*. 1997. Cucuteni. The Last Chalcolithic Civilization of Europe. Bucharest: Athena.
- Monah D.* 1997. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț.
- Monah D., Cucuș S.* 1985. Așezările culturii Cucuteni din România. Iași: Junimea.
- Monah D., Cucuș S., Popovici D., Antonescu S., Dumitroaia G.* 1983. Cercetările arheologice de la Poduri-dealul Ghindaru // Cercetări Arheologice VI, 3–22.
- Nanoglou S.* 2001. Social and monumental space in Neolithic Thessaly, Greece // EJA 4, 303–322.
- Palaguta I.* 2007. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The Relative Chronology and Local Grouping of Sites (BAR IS 1666). Oxford: Archaeopress.
- Perlès C.* 2001. The Early Neolithic in Greece. The First Farming Communities in Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plog S.* 1978. Social interactions and stylistic similarity: a reanalysis // AAMT 1, 144–182.
- Țerna S.* 2008. Probleme actuale în interpretarea statuetelor antropomorfe Cucuteniene // RA IV (2), 33–39.
- Ucko P. J.* 1968. Anthropomorphic figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with comparative material from the prehistoric Near East and Mainland Greece // London: A. Szmidla.
- Ursulescu N., Tencariu F. A.* 2006. Religie și magie la est de Carpați acum 7000 de ani. Tezaurul cu obiecte de cult de la Isaia. Iași: Demiurg.
- Whittle A.* 1996. Europe in the Neolithic. The Creation of New Words. Cambridge: Cambridge University Press.